

ЭМИГРАНТЪ

Литературный и иллюстрированный журналъ.

№ 13

Содержаніе:

„Мели, Емеля, — твоя недѣля!“
ст. Вл. Глуховца.

„Старое дѣло“ — разск. М. Ч.
Первухина.

„Похожденія моего кума Ники-
ты Иваныча“.— Изъ воспомина-
ній о быломъ С.-Петербургскаго
купца Т. А. Рыбникова въ пере-
дачѣ В. Нѣмковскаго.

„Возвращеніе Гарзана“—романъ
Э. Бурроуза. Перев. Э. М.

„Подъ Красной Мантіей“ —
романъ Стенли Уэймена.

Копилка курьезовъ.

Издательство „ЭМИГРАНТЪ”

Tallinn (Reval), S. Juhkentali t. 2. — Tel. 25-11.

„Мели, Емеля, — твоя недѣля!“

Французскій посолъ въ Москвѣ Эрбеттъ оказался не только творящимъ волю пославшаго его бывшаго премьеръ-министра г. Эррю, но и человекомъ близкимъ по духу большевикамъ. Запрошенный по поводу выраженного со-вѣтами желанія участвовать въ „Международной выставкѣ декоративныхъ искусствъ въ Парижѣ“ г. Эрбеттъ разразился, между прочимъ, слѣдующей тирадой: „На берегахъ нашей Сены увидятъ творчество новой Россіи, ея работу. Это будетъ благомъ для всего человѣчества, ибо С.С.С.Р. всегда носилъ и будетъ носить человѣчеству оригинальные идеи, новыя формы, цвѣты которыхъ никто другой не могъ бы собрать. Чѣмъ больше успѣха будетъ имѣть „русскій“ павильонъ, тѣмъ довольнѣе должны быть французы, они даже этимъ будутъ гордиться. Они себѣ скажутъ: „Это у насъ, у очага нашей дружбы, С.С.С.Р. пришелъ показать снова неизмѣримыя богатства своего генія и величіе той роли, которая ему отведена въ развитіи цивилизаціи“.

Въ настоящее время уже выяснилось, что „творчество СССР и неизмѣримыя богатства его генія“ на выставкѣ исчерпываются лишь революціонными плакатами и декорациями, а также, судя по телеграммѣ отъ 5 с.м., неожиданнымъ скандаломъ—демонстраціей противъ Министра Народнаго Посвѣщенія Де-Монзи, устроеннаго при открытіи выставки коммунистами и распропагандированными, щедро оплаченными Красинымъ рабочими, строившими совѣтскій павильонъ. Въ результатѣ, представитель правительства Де-Монзи, такъ сильно всегда ратовавшій за признаніе совѣтовъ, вынужденъ былъ немедленно покинуть выставку.

Правда, въ совѣтскомъ павильонѣ, какъ это было и у насъ въ Ревелѣ, имѣется немного старыхъ—художественныхъ предметовъ, созданныхъ прежней Россіей, за разрушеніе которой и ея тысячелѣтней работы большевикамъ дана официальнымъ представителемъ Франціи Эрбеттомъ столь лестная аттестація.

Чѣмъ же объяснить такой отзывъ г. Эрбетта о совѣтской власти, совершенно противоположный тѣмъ отзывамъ, которыми пестритъ вся иностранная печать?

Конечно, — только симпатіями г. Эрбетта къ большевизму, — одинаковостью взглядовъ. Очевидно у посла Эрбетта, насмотрѣвшагося, какъ разбогатѣли въ Россіи главари большевизма, какъ они совершенно безнаказанно роскошествуютъ во дворцахъ и особнякахъ, пользуясь не ими созданнымъ комфортомъ и богатствомъ, разгорѣлся аппетитъ и лавры народныхъ комиссаровъ г. Эрбетту не даютъ покоя. Ему, повидимому, хотѣлось бы привить и у себя на родинѣ „оригинальные идеи“, носителями которыхъ является СССР, и установить „новыя формы“ правленія, чтобы г. Эрбетту и ему подобнымъ имѣть возможность воспользоваться чужими деньгами, жить во дворцахъ, ѣсть на „націонализированномъ“ серебрѣ и украшать своихъ содержанокъ захваченными въ сейфехъ брилліантами, т.е. сорвать, по образному выраженію г. Эрбетта, тѣ „цвѣты“, которыхъ никто до сихъ поръ не могъ собрать*), кромѣ совѣтскихъ народныхъ комиссаровъ.

Врядъ ли только французскіе граждане легко отдадутъ во власть г.г. Эрбеттовъ свои жизни и имущество, скорѣе всего, наученные нашимъ горькимъ опытомъ, они, выражаясь вульгарно, дадутъ по шеѣ не въ мѣру распустившему свой языкъ послу.

Мы, съ своей стороны, должны отнестись къ задѣвающимъ оскорбленныя насильниками чувства Національной Россіи словамъ г. Эрбетта не болѣе, какъ ко вздору, иной разъ исходящему изъ устъ случайно пришедшихъ ко власти большевистствующихъ представителей лѣвыхъ партій и можемъ только сказать:

„Мели, Емеля, — пока твоя недѣля!“

*) Вѣроятно, надо понимать — въ такихъ грандіозныхъ размѣрахъ, ибо воровскіе и разбойничьи шайки, съ „оригинальными“, по мнѣнію г. Эрбетта, „идеями“, срывавшіе „цвѣты“ на проѣзжихъ дорогахъ, рѣкахъ и моряхъ и овладѣвавшіе иной разъ на время цѣлыми округами, существовали съ сотворенія міра.

СТАРОЕ ДѢЛО.

Изъ давно прошедшихъ времянь.

Разсказъ М. Ч. Первухина.

— Пренній-то преосвященный къ просителямъ въ наирѣдчайшихъ, можно сказать, случаяхъ выходилъ! — шепоткомъ говорилъ, ни къ кому въ частности не обращаясь, сидѣвшій у окна тучный и сановитый, видимо, городской и благополучествующій священникъ, державшійся въ архіерейской пріемной развязано и свободно, какъ свой человѣкъ. — Нынѣшній преосвященный иного закала человѣкъ, можно сказать! Пренній — очень ужъ бумажный былъ, ежели дозвоительно такъ выразиться, не въ судъ и не во осужденіе, но ради констатированія факта! Къ пріему, бывало, секретарь изготовить всѣ дѣла, и даже съ проектами резолюцій архипастырскихъ. Его преосвященный сидитъ въ кабинетѣ, да фиолетовымъ карандашикомъ и чиркаетъ на прошеніяхъ. Изъ десяти человѣкъ развѣ одинъ личнаго пріема удостоивался! А остальные секретарь самъ спраживалъ. Вручить резолюцію его преосвященства, и иди съ Господомъ! Нынѣшній же — сей куда глубже вникаетъ! Неизмѣримо глубже! Самъ выйдетъ отбирать прошенія или выслушивать, внимательно спрашиваетъ просителей, не минуя и вдовицы убогой, и даже провинившагося члена клира, и тутъ же отвѣтъ дастъ. А ежели дѣло по-сложнѣе оказывается, — то и передъ тѣмъ не останавливается, чтобы наединѣ данное лицо, такъ сказать, съ глазу на глазъ, выспросить! Не смѣю сужденіе свое высказывать, ибо кто я? Но, съ моей точки зрѣнія, сей порядокъ куда ближе подходитъ къ нынѣшнимъ труднымъ временамъ, омраченнымъ всяческими осложненіями...

Малаховскій дьяконъ, о. Кириллъ, внимательно всѣхъ прислушивавшійся къ словамъ городского священника, завожился въ своемъ углу, завздыхалъ, облегчая этимъ могучую грудь, — испугался шумности своихъ вздоховъ и покосился на завѣтную дверь, ведущую въ архіерейскіе апартаменты.

— Справедливость требуетъ замѣтить, — продолжалъ тѣмъ же четкимъ шепоткомъ городской священникъ, —

что многіе вопросы, многія дѣла, при преосвященномъ Амвросіи разрѣшенія не получавшіе, — нынѣ къ всеобщему удовлетворенію замѣтно двинулись!

И опять отецъ Кириллъ завожился, облегченно вздыхая, и даже закивалъ своею огромною головою съ львиною гривой.

— Ежели не ошибаюсь, — неожиданно обратился къ нему городской священникъ покровительственнымъ тономъ, — и вы, отецъ дьяконъ, свое старое дѣло выдвигаете?

— Выдвигаю! — отвѣтилъ дьяконъ. И оттого, что онъ волновался — не смогъ соразмѣрить силы голоса своего: хотѣлъ сказать тихо, въ тонъ спрашивавшему его, а на самомъ дѣлѣ сказалъ такъ громко, что сказанное слово загудѣло, словно ударъ въ колоколь.

Сидѣвшая рядомъ съ дьякономъ молодая женщина въ черномъ траурномъ платьѣ испуганно отшатнулась отъ сосѣда и слезливо заморгала. И самъ развязанный священникъ тревожно оглянулся на дверь архіерейскихъ апартаментовъ, и потомъ, крикнувъ, отозвался:

— А вы-бы того... отецъ дьяконъ! Поосторожнѣе! Съ голосомъ-то!

О. Кириллъ сконфузился и виновато потупился.

— Не соразмѣрилъ! — вымолвилъ онъ. — Сознаю вину!

Успокоившись, городской священникъ заговорилъ снова:

— Говорятъ, — погибаетъ въ васъ талантъ большой, отецъ дьяконъ! Я — про голосъ вашъ! Судя по голосу, — прямая дорога вамъ въ соборные протодиаконы! Ишь, октава у васъ! Вѣдь октава?

Спрашиваемый неопредѣленно пожалъ плечами. Онъ все еще не могъ оправиться отъ смущенія и недоумѣнно поглядывалъ на архіерейскую дверь.

— Прозабаете вы въ своей... какъ ее? Михайловка, что-ли?

— Малаховка! густо прошепталь дьяконъ — Прозабяю!

— Говорятъ, одинъ изъ бѣднѣйшихъ приходоу во всей епархіи?

— Наибѣднѣйшій! — согласился дьяконъ. И потомъ добавилъ: — Тридцать первый годъ! И — чиста душа моя передъ Господомъ; безъ малѣйшей личной вины! Не ропщу; терплю кару Господню! Но...

И опять прогудѣлъ бархатистый басъ:

— Истомился!

— Возлагаете надежду на новаго архипастыря? — освѣдомился жидкимъ теноромъ изъ другого угла тощій рябоватый молодой священникъ, торопливо просматривавшій ворохъ бумагъ. — Надѣетесь на милосердіе его преосвященства?

Глаза дьякона засверкали, на лбу налилась толстая жила.

— Не на милосердіе, но на правосудіе уповаю! отвѣтилъ онъ. — Ибо, повторяю, ежели-бы хоть тѣнь вины съ моей стороны, а то, вѣдь...

За дверью послышались шаги, сухое покашливаніе. Невѣдомо откуда вынырнулъ кудрявый архіерейскій служка и пѣвуче вымолвилъ:

— Его преосвященствѣ! Приготовьтесь, господа!

Минуту спустя, когда преосвященный Исидоръ вышелъ въ приемную, всѣ просители стояли, выстроившись въ рядъ въ почтительныхъ позахъ. Какимъ-то образомъ тощій рябой священникъ, пришедшій на приемъ позже другихъ, оказался у самой двери, и къ нему первому обратился съ вопросомъ архіерей. Стоящая рядомъ съ о. Кирилломъ молодая женщина въ траурномъ платьѣ громко всхлинула. Архіерей, худенькій старичекъ съ пергаментно-блѣднымъ лицомъ и усталыми глазами, посмотрѣлъ въ эту сторону. У о. Кирилла сердце забилось неудержимо тревожно, и онъ робко попытался, уступая свое мѣсто какому-то другому просителю.

Звучали голоса докладывавшихъ его преосвященству свои нужды людей. Шуршали бумаги. Отъ времени до времени архіерей, выслушавъ просителя, говорилъ ему нѣсколько словъ сухимъ, надтреснутымъ голосомъ, такъ четко выступавшимъ на фонѣ воцарившагося молчанія. И по мѣрѣ того, какъ очередь объясняться приближалась къ о. Кириллу, — все его существо проникалось уныніемъ.

— Напрасно! — шепталъ онъ про себя. — Ничего, чувствую, изъ сего не выйдетъ! Не надо, ой, не надо было поднимать сіе старое дѣло!

Ему хотѣлось сдѣлаться невидимымъ, хоть сквозь стѣны уйти изъ этой столь знакомой архіерейской приемной, въ которой за три десятка лѣтъ онъ бывалъ столько разъ, и все безрезультатно. Хотъ сквозь землю провалиться...

И въ то время, когда его тревожное уныніе дошло до высшей степени, — онъ очнулся: архіерейская приемная была уже почти пуста, а самъ архіерей стоялъ передъ нимъ, вопросительно глядѣлъ на него, и въ этомъ взорѣ чувствовалось нѣчто необычайное: какъ будто недоумѣніе и даже волненіе.

— Діаконъ, отецъ Кириллъ Эсперантскій! — подсказалъ архіерею юркій служка. — Крестовоздвиженскія церкви селенія Малаховки Угрюмовскаго уѣзда.

— Кириллъ Эсперантскій? — освѣдомился преосвященный. — Кириллъ Эсперантскій? Не отца-ли Поликарпа Эсперантскаго сынъ? А?

У о. Кирилла округлились глаза и дыханіе въ груди сперлось.

— Кириллъ! «Неистовый Кириллецъ»! — улыбаясь, вымолвилъ архіерей. — Да неужто тебя видятъ глаза мои?! Вотъ ужъ и не думалъ, не гадалъ, что встрѣтиться придется!

Кудрявый архіерейскій служка навострилъ уши и весь задргался. До этого онъ высокомерно посматривалъ на бѣдно одѣтаго деревенскаго дьякона, расщедрившагося всего на единый пятіалтынный, и тотъ истертый. А теперь... Вонъ, кажется, его преосвященство чуть-ли не лобызаться съ этимъ... мужланомъ собирается! Руку ему протягиваетъ по-дружески! Улыбается!

— Гос-споди! вырвалось чуть-ли не стономъ изъ груди бѣдняги дьякона — Гос-споди!

— Призналъ? А? Наконецъ-то! — радостно говорилъ архіерей. — А я то, грѣшный человѣкъ, думалъ: во всей епархіи — ни единого знакомаго! Да ты по дѣлу? Съ прошеніемъ? А? Ну, хорошо, хорошо! Разберемъ твое дѣло! Только подожди: я, вотъ, съ другими покончу, отпущу, чтобы совершенно свободнымъ быть! Ахъ Кириллъ, Кириллъ, «Неистовый Кириллецъ»! Такъ

гы діаконствуешь? А? А я думаль — давнымъ-давно гдѣ-нибудь протоіерействуешь уже!

Изъ глазъ о. Кирилла брызнули слезы.

— Про...прозябаю! — вымолвилъ онъ, торопливо вытаскивая изъ кармана грязный пестрый ситцевый платокъ. — Незаслуженно! По волѣ судьбы!

Архіерей шутливо погрозилъ всхлипывавшему дьякону перстомъ и вымолвилъ:

— Набѣдокурилъ? А?

— Какъ передъ Истиннымъ! Видитъ Богъ!

— Ладно, ладно! Я тебя обо всемъ обстоятельно выпрошу!

Беззвучно ступая по толстымъ коврамъ, тотъ же служка принесъ въ архіерейскій кабинетъ на тяжеломъ серебряномъ подносѣ два станака чаю, нѣсколько хрустальныхъ вазъ съ разными сортами варенья, большую вазу съ сладкимъ печенемъ и еще блюдо съ сотовымъ медомъ, сочившимся янтарными каплями изъ красивыхъ шестигранныхъ ячеекъ.

Пресвященный Исидоръ усѣлся поудобнѣе на обширномъ диванѣ, надъ которымъ висѣлъ портретъ масляными красками какого-то старика въ шитомъ золотомъ мундирѣ со множествомъ орденовъ.

— Ну, что же ты? — ласково улыбаясь, обратился онъ къ отцу Кириллу. — Ежели даже и во многомъ грѣшенъ ты, — то, все же, — такъ и быть, угощу я тебя своимъ чаемъ! Дѣлу сіе не помѣшаетъ! А куда будемъ чай пить, ты мнѣ и изложишь свое сложное дѣло! Въ прошеніе твое мелькомъ взглянулъ: просишь объ іерействѣ... Посмотримъ, посмотримъ! Не предрѣшая сего вопроса, заранѣе общаю тебѣ, какъ старому однокашнику по семинаріи, какъ старому другу, могу сказать, самое внимательное отношеніе! Но ты долженъ посвятить меня во всѣ подробности дѣла твоего! Слышишь, Кириллецъ? Какъ на духу! Ничего не утаивай! При твоей искренности — да при моемъ добромъ желаніи, — не сомнѣваюсь, что дѣло твое окажется, можетъ быть, даже весьма легко разрѣшимымъ! Но — полная, абсолютная искренность! А чтобы ты собрался съ

духомъ, — пей сначала чай. Варенья бери: благочестивыя жены купеческаго званія, узнавъ, что слабъ я по сей части приношеніями своими даже одолѣвають. Съ позволенія сказать, — пруть, двухпудовыми банками! А мнѣ много-ли надо? Ну, повѣствуй!

И о. Кириллъ заговорилъ. Сначала онъ говорилъ робко, не складно, заикаясь, прибѣгая къ кривымъ формамъ, поминутно вставляя слова «ваше преосвященство», на что архіерей шутливо-грозно говорилъ:

— Да брось его преосвященство! Надоѣло мнѣ величаніе сіе! Говори простымъ человѣческимъ языкомъ!

И мало-по-малу его голосъ окрѣпъ, рѣчь сдѣлалась простою и вмѣстѣ выразительною. Онъ выпилъ первый стаканъ, выпилъ незамѣтно подсунутый второй, третій, опустошил дюжину блюдецекъ съ вареньемъ изъ кизила, изъ розовыхъ лепестковъ, изъ малины, барбариса, айвы и такъ далѣе. Не замѣчая того, онъ многократно вытаскивалъ хрупкіе тонкіе сухари изъ большой вазы, крошилъ ихъ своими могучими пальцами, засыпая осколками бѣлоснѣжную скатерть.

Разгорячась, онъ уже не сидѣлъ на тяжеломъ обитомъ кожею креслѣ, а ходилъ, метался, какъ раненый левъ, по кабинету. Размахивалъ руками, встряхивалъ львиною гривой. А голосъ его, — великолѣпный бархатистый басъ, гудѣлъ и звенѣлъ, раскатываясь волнами, стучался въ стекла оконъ, трепеталъ невидимыми крыльями подъ разрисованнымъ витѣватыми арабесками потолкомъ.

— Да, сказано бо есть въ священномъ писаніи; не вѣсте бо ни часа ни дня... Только тамъ — о Сынѣ Человѣческомъ, иже пріиде! А въ нашей жизни — о бѣдѣ! Да еще какая бѣда-то иной разъ на твою голову сваливается, ни за что, ни про что, такъ, съ бухты-барахты!

— Пстой, пстой, Кириллецъ! — остановилъ его архіерей. — Я припоминаю что-то! Бысть-сіе — о рождественскихъ святкахъ! Разѣхались мы на святки по отчимъ домамъ. И ты уѣхалъ! Потомъ — святки миновали, всѣ повозвращались въ семинарію, а про тебя слухъ: «Кириллъ Эсперантскій, дескать, заболѣлъ весьма опасно!» Ну, при-

знаться, — я, грѣшный человѣкъ, немало душою скорбѣлъ: первое, — вѣдь, мы товарищи были. Второе — ты со своими блестящими способностями мнѣ немалую помощь въ прохожденіи наукъ оказывалъ. Третье — кулаки твои... Помнишь, какимъ ты Алешей Поповичемъ считался? Помнишь поединки наши, семинарскіе? А? Ахъ, Кирилль, Кириллецъ! А потомъ и того... Тутъ экзамены. Новая ваканція. Потомъ мнѣ, вѣдь, переѣхать по желанію отца въ другую семинарію пришлось. Вспоминалъ я о тебѣ, какъ о другѣ. Даже написать порывался, да такъ... такъ и не собрался! А тутъ столько лѣтъ прошло, столько воды утекло... И не думалъ, и не гадалъ встрѣтиться, говорю! Но ты рассказывай! Такъ, вотъ, значить, — ты заболѣлъ! А дальше что?

— Охъ, Господи! — мучительнымъ стономъ вырвалось изъ устъ дьякона. Глядя полными муки глазами на архіерея, онъ буйно ударилъ себя въ грудь кулаками. Могучая грудь загудѣла. — Боленъ? Здоровье тогда было, чѣмъ сейчасъ! — чуть не выкрикнулъ онъ. — Ничего подобнаго! Одно мяѣніе!

— Какъ это — „одно мяѣніе“? — изумился архіерей.

— А такъ! Одно мяѣніе! А отъ се-го мяѣнія — погибаю! Огъ одного только мяѣнія! Погубило оно меня! Отца погубило! Мать погубило! Жену мою, голубицу, обездолило! Погибаю!

— Да ты рассказывай!

— Ну, вотъ! — началъ дьяконъ, расхаживая въ волненіи по архіерейскому кабинету. — Ну, поѣхалъ я о рождественскихъ святкахъ на родину. Пріѣзжаю къ отцу, — а тотъ съ первыхъ словъ выкладываетъ:

„Дядя Кирилль, тезка твой, — очень ужъ просилъ, чтобы ты его навѣстилъ! Молодежи много соберется! Можетъ, — и женскій полъ будетъ! Кирилль — любвеобилень къ родственникамъ: не забываетъ никого даже до седьмого колѣвна! И благами земными Господь Богъ его не обидѣлъ, тезку и дядю твоего! Само, можно сказать, плыветъ къ нему! А посему, — ежели выберешь по сердцу дѣвицу, такъ какую изъ дальнихъ родственницъ, — да выборъ твой будетъ дядею олобренъ, то будь хоть безприданница, — опасаться нечего: Кирилль не одной уже епархіалочкѣ

приданое приличествующее соорудилъ! Поѣзжай!“

Ну, вотъ, — и поѣхалъ я. И заготовился. А тутъ... тутъ и случить, эта исторія: словно кто подстерегалъ!

Молодежи — не очень много засталъ я у дяди. Да и тѣ, кои были, скоро испарились: разѣхались, кто куда. И остался я одинъ. И стало мнѣ достаточно скучно. И сталъ я въ обратный путь собираться. Домой, значить! А пока что — повадился я въ сосѣднее село: тамъ знакомые завелись! Писарь, — милый человѣкъ, опять же — гитаристъ такой, что и-и! Фельдшеръ Максимъ Максимычъ. Акушерка земская, дѣвица весьма острая!

А село сіе — по другую сторону болота большихъ. Лѣтомъ въ объѣздъ — не много, не мало, а двадцать двѣ версты по проселкамъ. Но какъ была зима, — то оное болото подо льдомъ, а посему христіане православные путь напрямикъ проложили, и хоть, можно сказать, старая баба клюкою мѣрjala, а все же — не больше версты пяти. Черезъ камыши. А гдѣ и по голому пространству. Но ледъ — въ аршинъ. Не провалишься!

Ну, — и тутъ были вечерушки: извѣстно, — время праздничное! Сегодня у одного, завтра у другого! Дядя — ничего: отпускаетъ. Одно только:

„На ночлегъ, — говоритъ, — обязательно возвращайся. А то люди, — говоритъ, — меня, старика, осудятъ: скажутъ, не хватаетъ, молъ, у батюшки перинъ, да подушекъ, почему родного племянника ночевать къ постороннимъ посылаетъ! Опять же, — чтобы лишняго по нравственной части не говорили! Самъ знаешь, какіе у людей языки? Сейчасъ сплетутъ: поповичъ, молъ, у солдаты Иришки ночуетъ!“

Архіерей слегка усмѣхнулся и чуть поежился. Но дьяконъ этого не замѣтилъ.

— Ну, такъ вотъ! — продолжалъ онъ. — Бывало, засвѣтло махну — черезъ болото. Вечерокъ проведу въ компаніи. На ночь — опять же черезъ болото — въ родныя палестины, къ дядѣ.

Ну, одинъ разъ — слухъ пошелъ: появился, дескать, волкъ бѣшеный. Многихъ перепортилъ. Народъ зашумукался. Помѣщики, которые охотники, на облаву собрались. Но только вмѣсто

означеннаго волка—двухъ загонщиковъ дробью подстрѣлили, и сами передрались. Но мнѣ—какое дѣло? Ну, вотъ...

— Смотри, Кирюшка!—говорить мнѣ дядя.—Шляешься ты по ночамъ черезъ болото!

— А что?—говорю.

— А какъ-бы тамъ тебѣ волкъ голову не отѣлъ!

— Ов-ва! — говорю.— Хотѣлъ-бы я посмотрѣть, какой такой волкъ Кириллѣ Эсперантскому голову отѣбеть!

— А ты, — говоритъ, — не очень куражся!

Ну, словомъ, вышло такъ: была вечерушка у Максима Максимыча. А онъ, коварный человекъ, какую-то смѣсь придумалъ: фундаментъ-то, конечно, водочный. А сверхъ—надстрѣчки разные. Анафема его знаетъ, — какъ онъ это хитрился, а только въ рюмкѣ — нѣсколько слоевъ получается, и всѣ слои разноцвѣтные. Но между прочимъ — опрокинешь — такъ тебѣ горло и обожжетъ. А онъ, фельдшеръ, хихикаетъ:

„Что?—говорить. — Здорово? Это, — говоритъ, — водка сорока братьевъ разбойниковъ! Ха-ха-ха! Киндерт-миндерт-шурумъ-бурумъ бальзамъ американскій! Хо-хо-хо?“

Ну, и, должно быть, — переложилъ я. Однако, — сознания не потерялъ. Только замутилось оно, сознание, нѣсколько. Словно нѣкій туманъ. А, все же, соображаю. Первое соображаю, что уже поздно, второе — что морозъ жесточайшій, свыше тридцати. Третье—что попутчиковъ черезъ болото у меня нѣту, а самъ я на ногахъ ужъ не очень, чтобы крѣпко. Ну, ладно! Чтобы не забыть—здорово закутался я. У меня шуба была, да я еще сверхъ шубы — бурку писаря накинулъ. Въ родѣ разлегайки. На головѣ шапка теплая, а чтобы шапка не свалилась, — фельдшеръ у акушерки Варвары Ивановны теплый платокъ отобралъ, да общими силами и обвязали меня: одинъ носъ только и высовывается. А руки—въ мѣховыхъ перчаткахъ. А сверхъ перчатокъ—варежки мужицкія. Ну, и ноги — соотвѣтственно. То-есть, одно слово: мумія, и больше никакихъ! Хотя на сѣверный полюсъ поѣзжай, — холодно не будетъ!

Ну, до болота — проводили меня. А еще — на льду поскользались гурьбою.

А я какъ шлепнусь — подняться не могу. Общими силами меня поднимаютъ! Хохоту что было!

Ну, а потомъ распрощались — побрелъ я. Обь одномъ думка: какъ бы мнѣ не поскользнуться, да не шлепнуться: не встану вѣдь!

Иду, иду, повсвистываю. А тутъ — что за чортъ?

Архіерей моргнулъ и поежился. Но разошедшійся дьяконъ этого не видѣлъ.

— Смотрю, — то съ праваго боку, то съ лѣваго — тѣнь какая-то бѣжить—на четырехъ лапахъ. Присмотрѣлся—какъ будто собака.

А у насъ во дворѣ — была такая собака. Овчарка. Огромный песъ и лютый. На цѣпи держали; сколько разъ дядѣ Кириллу за его дѣла расплачиваться приходилось!

А у меня такая думка:

„Сорвался „Сѣрка“ съ цѣпи! Наговорить бѣдь! А дядѣ Кириллу расплачиваться придется!“

Ахъ, — думаю, — неприятность-то какая?! И какъ же это такъ? Нѣтъ, это не модель! Надо этого „Сѣрка“ приманить. И отведу я его и водворю по мѣсту жительства!“

Вотъ, остановился я, и начинаю подзывать:

— „Сѣрка!“ „Сѣрка!“ Иди, — говорю, — оглашенный песъ, сюда!

А мой „Сѣрка“ какъ подпрыгнетъ, извившись кольцомъ, да къ моему лицу! Зубами!

Но только я, хоть и былъ подъ парами, — не того... не допустилъ! Какъ двину его въ брюхо налету кулакомъ! Такъ онъ отъ меня на три сажени—комомъ. Только упалъ, — побѣгъ въ сторону. Юркнулъ мнѣ за спину. Да со спины. Да впился зубами въ платокъ акушеркинъ. Повисъ. Ну, я руку за спину, да хватъ его за ногу, за заднюю, да какъ рванулъ...

— Что ты, — говорю, — окаянный, дѣлаецъ? Платокъ поди порвалъ! Да я тебя!

А онъ вывернулся, да на меня сбоку. Да все къ лицу, да все къ лицу! Клацаетъ зубами! А глаза, прости Господи, какъ у дьявола горятъ. А я его то локтемъ, то ногою въ брюхо.

Ну, тутъ онъ отбѣжалъ нѣсколько, да какъ завоюетъ! Да опять на меня! Только я его, все же налету поймалъ.

Освободилъ, значить, руки отъ варежекъ, да перчатокъ, наловчился, да за горло. Вотъ,—этими самими руками!

Дьяконъ вытянулъ впередъ длинная и толстая, какъ бревна, руки и показалъ огромной величины кулаки.

— Ну, схватилъ я его, проклятаго, за горло,—и чувствую, — ошейника на немъ, анаемъ, нѣту, и цѣпи нѣту. И такая на него злость меня взяла! Главное — изъ за платка! Порвалъ, вѣдь, окаянный! А мнѣ акушерка голову прогрызеть!

Ну, схватилъ я его за горло, жму. А онъ проклятый, извивается, да уперся лапами на меня, да лапами, когтями, сучить. Тр-рр! — цѣлая пола бурки оторвалась. Когти-то—какъ ножомъ рѣжутъ.

Ну, я тутъ свѣта Божьяго не взвидѣлъ:

— И платокъ порвалъ, анаема, и бурку, нечестивецъ! Пропади ты пропадомъ!

Ну, и такъ я стиснулъ его горло, охвативъ толстую шею обѣими руками, — что самъ почувствовалъ: хрустнуло что-то подъ пальцами. А я еще нажимаю, а я еще! Ну, значить,—ослабѣлъ онъ, лапы-то раздвинулъ, падаетъ. Тяжелый, проклятикъ! А я равновѣсіе и потерей. Да на него и свались! Ну, для вѣрности — придушилъ его еще. А потомъ — я самъ ослабѣлъ. Пробую подняться — куда тамъ? То ли меня хмель отъ „киндеръ-миндеръ бальзама“ размариваетъ, то ли усталъ. А только заходилъ туманъ кругомъ. А больше и не помню. А утромъ, значить, — мужики за водкою черезъ болото пробирались, — да и нашли меня. А подо мною—волкъ. Матерой! Страшенный! Истинно — чудище обло, озорно, чуть что не стозѣвно! Не волкъ, прости Господи, а тигръ лютый! Задавилъ я его...

Ну,—мужики и меня, и задавленнаго волка домой, къ дядюшкѣ. А тамъ старушка кака-то, помѣщица. Какъ взвизгнетъ!

— Это — говорить — тотъ самый, бѣшеный волкъ! И какъ онъ покусалъ бѣднаго молодого человѣка, то и бѣдный молодой человѣкъ теперь — бѣшенный! И... Держите,—кричить,—его! —Меня, то-есть!—А то, кричить,—онъ,—я то есть!—отъ всѣхъ перекусаеть!

Дьяконъ остановился передъ притих-

шимъ архіереемъ и, глядя ему въ глаза, упавшимъ голосомъ вымолвилъ:

— На цѣпь... посадили! Да... да полъ-года! Шесть мѣсяцевъ семнадцать дней! На цѣпи! Какъ пса! Какъ дикаго звѣря!

— Господи! ахнулъ архіерей. — За что?

— Не—за что, а для чего! Для чего? А чтобы я, взбѣсившись, не покусалъ людей! Понимаешь? А? Живого, здороваго человѣка! Въ отцовскомъ домѣ —тамъ банька была! Въ баньку меня свели! Цѣпь кузнецъ такую сковалъ, что Самсона, и того-бы удержала! Окна дубовыми досками забили.

— Господи!

— Одна только матушка и не боялась меня: пищу носила! Придетъ, сядетъ у порожка, пла-ачеть!

Дьяконъ всхлипнулъ. И архіерей смахнулъ съ рѣсницъ непрошенную слезинку.

— Ну, — продолжалъ, справившись съ волненіемъ, дьяконъ,—вотъ, сядетъ мамочка моя у порожка, скорбнымъ взоромъ смотритъ на меня.

— Что,—спрашиваетъ,—чувствуешь, Кирюша, родненькій?

— Ничего,—говорю,—не чувствую!

— Не подкатываетъ? —спрашиваетъ.

— Нѣтъ, не подкатываетъ!

— А когда воду пьешь?

— И когда воду пью!

— А грызть кого-нибудь — не хочется?

Цѣпи,—говорю,—изгрызъ-бы! Волка того окаяннаго! Да еще, пожалуй, фельдшера за его «киндеръ-миндеръ»!

Плачетъ старуха!

— Маменька! —говорю.—Да неужто спасенія нѣту? Да неужто вы съ докторами не посовѣтовались? Можетъ, вырѣзать у меня что изъ середки надо! Такъ пусть рѣжутъ!

Плачетъ старуха!

Ну, извѣстно, — приводили и привозили бабокъ всякихъ, стариковъ-вѣдуновъ. Тогда этого люду у насъ много еще водилось! И чѣмъ только меня ни поили, и чѣмъ только меня ни кормили?! Въ баню водили: вытопятъ, нальютъ на полку воды. Паръ такой пойдетъ, что свѣчка гаснетъ. И посадятъ меня. А я сижу, сижу, да баць на полъ! Въ обморокъ! Помираю!

— Ну, вытащатъ меня замертво.

Водю холодною обливаютъ... Отхаживаютъ. А мать старуха — плачетъ, плачетъ...

Ну, а потомъ, значить, слухъ пошелъ:

— Отецъ Поликарпъ Эсперантскій сына своего на цѣпи держитъ!

Заглянулъ исправникъ. Разспросилъ отца, матушку.

— Нельзя, — говорить. — Не по закону! Ужъ если на то, — свезите вы его въ умалишенный домъ!

— Въ домъ умалишенныхъ? Тебя?!

— Меня! — кивнулъ головою дьяконъ.

— Ну, и повезли. У отца рука была. По тѣмъ временамъ — дѣло просто дѣлалось. Попросилъ..

— Да я и самъ, признаться, — просилъ старшаго доктора: — дѣлайте со мною, что хотите, — только-бы мнѣ въ темнотѣ не сидѣть! Да не на цѣпи!

— Ужасъ! Ужасъ!

— Да, ужасъ! — согласился невнимательно дьяконъ. — Ну, вотъ, и сдѣлали меня въ родѣ, какъ сумасшедшимъ. И сидѣлъ я въ губернской больницѣ — три года два мѣсяца двадцать два дня равнымъ счетомъ. Промежъ настоящихъ сумасшедшихъ. Тоска! А тутъ — умеръ старшій врачъ, старичекъ онъ былъ, — пріѣхалъ новый, пироговскій выученикъ, заграничный докторъ. Чистоту сталъ производить. На меня наткнулся. Разспрашиваетъ. Сначала, какъ я ему рассказалъ, — усмѣхнулся: за большую фантазію, значить, принялъ. Потому, — сумасшедше — вѣдь они никогда не признаются, что сумасшедшіе! Всѣ себя здоровыми считаютъ! И въ оправданіе — всякія исторіи выдумываютъ. И даже — весьма правдоподобно! Фантазія!

— Ну, а потомъ и того... разобрался!

— Да это, — говорить, — уголовщина! Здороваго человѣка три года въ домъ умалишенныхъ держать?! Не могу, не могу!

Ну, и выписалъ онъ моего отца:

— Берите, — говорить, — вашего сына!

— А... а ежели онъ взбѣсится отъ укусовъ волка того?

— Тогда и привезете! А, кромѣ того, взбѣсится-ли онъ? Потому, — говорить, — развѣ установлено первое, — что волкъ — бѣшенымъ былъ? Вѣдь, нѣтъ же! А второе — если и былъ тотъ волкъ бѣшенымъ, — то развѣ установлено, что онъ вашего сына покусалъ? Ну, на ру-

кахъ у вашего сына ссадины были. Да, по его же собственнымъ показаніямъ, онъ до встрѣчи съ волкомъ, на вечеринкѣ борясь съ кѣмъ-то тамъ, ударился рукою объ оконную шибку и поранилъ себѣ руку! Съ другой стороны, правда: если волкъ былъ бѣшенымъ, то пѣна изъ пасти могла попасть въ ссадины и проникнуть въ кровь, а это — ядъ. Но только, вѣдь, съ той поры — четыре года прошло! Имѣются шансы на заболѣваніе. Бываетъ, что и черезъ десять лѣтъ укушенный вдругъ взбѣсится. Только очень рѣдко сіе бываетъ. Мало шансовъ!

Ну, вотъ, и выпустили меня на свободу. Вышелъ я — тѣнь тѣнью. Отъ людей отсталъ: одичалъ, можно сказать! Тяжело на людей смотрѣть... Главное, — думка эта въ головѣ о волкѣ проклятомъ! Самъ себѣ не вѣрю. Все провѣряю себя! Завижу воду, и думаю: а ну, какъ подкатить? Услышу, — собака воетъ, самъ думаю: а не подкатить-ли мнѣ? Не захочется-ли и мнѣ на четвереньки стать, да взвыть, да наброситься на кого-нибудь, да приняться грызть?

Страшно!

Дьяконъ остановился у окна, тупо смотрѣлъ на улицу. Его крутя плечи дрожали отъ сдерживаемыхъ рыданій.

Рѣзко повернувшись къ затихшему и погруженному въ тяжелыя думы архіерею, онъ продолжалъ:

— А дальше — что-же? Отецъ разорился. Прихварывать сталъ. Въ семинарію идти? А мнѣ на людей глядѣть тошно! Да и отупѣлъ я, одичалъ, говорю. Знанія всѣ порастерялъ. Только того и осталось, что голосъ..

— Голосъ у тебя чудесный былъ! Помню! — задумчиво вымолвилъ, пошевельнувшись, архіерей. — Баритонъ, сколько помнится?

— Баритонъ. Потомъ переломился: въ басъ пошелъ! Ну, — ѣсть, пить надо. Съ трудомъ тогдашній пресвященный согласился: предоставилъ мнѣ мѣсто причетника!

— Почему — съ трудомъ? удивился архіерей.

— А потому! раздраженно отмахнулся дьяконъ. — А, что, — говорить, — если сей Кириллъ Эсперантскій, который былъ бѣшеною тварью укушенъ, — во храмъ Божьемъ припадку болѣзни своей подвергнется?

Ну, годы-то плывутъ! Какъ вода!

Померъ отецъ мой. Мать на рукахъ у меня, кормиться надо. Съѣздила я къ преосвященному. Амфилохій тогда преосвященствовалъ. Строгий такой... Паль я ему въ ноги. Плачу, молю!.. Снимите, говорю, съ меня проклятіе, мною не заслуженное! Погибаю!

Съ превеликимъ трудомъ, согласил-ся посвятить во діаконы.

— А о саяѣ іерейскомъ,— говоритъ,— и не мечтай! Не видѣлъ тебѣ сана іерейскаго, какъ своихъ ушей!

— Почему? — заинтересовался архіерей.

— А такъ!—говоритъ.—А что, говоритъ,— если я тебя посвящу, а ты, таинство какое совершая,— вдругъ того.. Или, скажемъ,— подкатить тебѣ, когда ты со святыми Дарами шествовать будешь? Да бросишь,—говоритъ,—чашу съ Дарами, да станешь на четвереньки во храмѣ Божьемъ! Нѣтъ, и не проси: не могу, и не могу, и не могу!

Наступило молчаніе. Утомленный долгимъ разговоромъ, дьяконъ присѣлъ къ столу, потянулся дрожащею рукою за стаканомъ съ успѣвшимъ уже остыть чаемъ.

— Испить-бы! Душа горитъ!—вымолвилъ онъ тоскливо.

Выпилъ чай жадными глотками. Всталъ. Прошелся по кабинету.

— Да, такъ вотъ... Тридцать лѣтъ—діакономъ! — заговорилъ онъ снова. — Амфилохій преставился, Нектарій бысть. Я къ Нектарію:—Посвятите во іереи!—Разберусь!—говоритъ.

— А потомъ—отказъ! Не подобаесть, молъ. Нектарія въ Иркутскъ перевели. Макарія назначили. Добрѣйшій души человекъ! Я—къ нему! Прослезился даже!.. Хорошо, хорошо! — говоритъ. — Я только о казусѣ семъ свесусь съ Петербургомъ!

Ну, а потомъ—отвѣтъ:

— Петербургъ уклонился. Предоставляетъ на мое усмотрѣніе! А я—нахожу несвоевременнымъ! Ужъ ты, дьяконъ, подожди малость! Пусть хоть десять лѣтъ исполнится! Все вѣрнѣе!

Потомъ бысть снова Нектарій: возвратился! При немъ трижды, четырежды я потыкался: отказъ! А потомъ — Амвросій. Тотъ — и руками, и ногами! А теперь, вотъ...

Дьяконъ остановился и съ испугомъ

прислушался: съ дивана, изъ того угла, въ которомъ ютился тщедушный сѣденькій архіерей,—до него донеслись странные звуки. Не вѣря своимъ ушамъ, о. Кирилль приблизился. Да, архіерей плакалъ...

— Господи, какая тупость, какая несправедливость! — бормоталъ онъ. — За что? О, Господи! Бѣдный ты, бѣдный Криллець мой! Но теперь — потерпи: Богомъ свидѣтельствую,—я сію несправедливость исправлю! Иди теперь съ Богомъ! Приходи завтра утромъ! Я за ночь соображу: посвятить тебя не долго. Но, вѣдь, тебя за претерпѣнное и вознаграждать надо! Подыщу тебѣ приходъ подходящій. Можетъ устроится дѣло—въ городъ! А? Какъ это тебѣ,—по душѣ-ли? Напримѣръ, ежели кладбищенскимъ священникомъ быть? Ну, иди, иди! Давай только поцѣлуемся!

Не помня себя отъ радости, о. Кирилль покинулъ архіерейскій домъ и отправился на тотъ постоялый дворъ, гдѣ всегда останавливался, посѣщая по своимъ немудрымъ дѣламъ „губернію“.

— Ну, мое дѣло, кажись, выгорѣло! — сказалъ онъ „дворнику“, старому знакомому. — Велика, Евсеичъ, дать мнѣ въ номерокъ самоварчикъ, самъ сооруди закусочку! Да еще того.. какъ его? Чернила имѣешь? Ручку съ перомъ, бумаги, конвертикъ... Я матери-дьяконицѣ письмецо накатаю! Вотъ-то обрадуется!

И, смѣясь, жестикулируя, о. дьяконъ прошелъ въ свой номеръ.

Долго, закусывая и попивая чаекъ, онъ сидѣлъ и при свѣтѣ керосиновой лампочки писалъ посланіе къ женѣ.

„Возлюбленная моя Дарочка!—выво-дилъ онъ. — Радость безмѣрная, другъ мой. Счастье лучезарное! Спѣшу сообщить тебѣ новость сію: его преосвященство оказался моимъ старымъ школьнымъ товарищемъ,—принялъ меня, какъ друга, какъ брата, — и обѣщалъ меня, немедленно посвятить во іереи! Посему остаюсь на нѣсколько дней въ градѣ семъ. Тебѣ же посылаю посланіе, и прошу тебя немедленно собраться и приѣхать сюда. Найдешь меня на постояломъ дворѣ у извѣстнаго тебѣ Евсеича...“

И долго еще сидѣлъ и писалъ ликующій дьяконъ.

Утромъ, на постояломъ дворѣ была полиція, околоточный надзиратель сидѣлъ въ большой буфетной комнатѣ, и, уничтожая поднесенную закуску, — размашистымъ почеркомъ писалъ протоколъ.

— Такъ что вскрывать дьяконца не будете? — допрашивался онъ у городского врача, вызваннаго „дворникомъ“. — По наружному осмотру? А?

— Да. Обойдемся безъ вскрытія! — отвѣчалъ докторъ. — Дѣло ясное: разрывъ сердца. Всѣ симптомы!

— Кондратій, значить? Такъ! А... а здоровеннѣйшій мужчина былъ! Говорять, — въ молодости голыми руками волковъ душилъ!

— Возможно! — отозвался разсѣянно докторъ. — Мускулатура — великолѣпно развита. А сердце свое отслужило! Бываетъ это!

— А... а обратили вы вниманіе, — выраженіе-то на лицѣ какое? Блаженство неопишемое! А письмо вы проглядели? Въ попы мостился, бѣдняга! Можетъ, — отъ радости, что дѣло устроилось, — и померъ! Ну, если меня становымъ губернаторъ назначить, — я не помру! Честное слово! Развѣ что въ исправники однимъ махомъ! Ха-ха-ха!

И онъ снова принялся строчить протоколъ...

М. Первухинъ.

Похожденія моего кула Никиты Иваныча,

Изъ воспоминаній о быломъ С.-Петербургскаго купца Т. А. Рыбникова въ передачѣ В. Нѣмковскаго.

Землятрясеніе.

У меня съ Никитой Иванычемъ большое омерзеніе вышло.

Неаккуратно поужинали и надумали вечернюю променаду сдѣлать — за городомъ погулять.

Наняли извозчика и поѣхали.

Не успѣли на дрожкахъ вздремнуть, какъ слышимъ, будятъ:

— Пожалте! Пріѣхали!

Разсчитались съ извозникомъ, а сами на собственныхъ ногахъ пошли въ лѣсъ.

Какая погода была — разсмотрѣть никакъ не могли, потому-что луны не было, а ночь темная — претемная.

Одначе, благораствореніе воздушныхъ чувствовали...

Шли-шли по дорогѣ и вдругъ чувствуемъ начинается землятрясеніе. Идемъ это, а сами другъ о друга ударяемся.

Никита Иванычъ и говорить:

— Этакъ очень легко погибнуть!

А самъ мяня лбомъ по носу.

— Очень просто, отвѣчаю и самъ по носу головой.

Такое землятрясеніе, что оба раскровянились.

Никита Иванычъ, по своей понятливости, сейчасъ же вѣрное дѣло надумалъ:

— Надо, кричать, къ землѣ склониться, тогда никакого вреда не будетъ. Переждемъ!

Мнѣ-то все единственно.

— Переждемъ, говорю!

Легли на травку и стали ждать, когда это Божье наказаніе прикончится.

И только это леги — все сразу покойно и тихо стало.

— Что за оказія?

Привстали — землятрясеніе!

Опять легли — опять спокойствіе.

Значить надо лежать!

Пережидаячи землятрясеніе, надо полагать, заснули...

Утромъ просыпаемся и никакъ себя понять не можемъ.

Съ виду-то словно мы, а все остальное не наше. Лежимъ мы на травѣ, подъ деревьями и безо всякаго одѣянія...

Стали другъ друга щипать: не райскій ли это сонъ какой?

Нѣтъ!

Нагишемъ и въ пустынь — совсѣмъ городское происшествіе.

Никита Иванычъ продрогъ. Ежится, да и говорить:

— Не было-ли дьявольскаго навожденія?

Стали вспоминать, какъ дѣло происходило, и припомнили, что мы ночью гулять пошли въ лѣсъ.

Подъ конецъ сообразили, что насъ жулики обобрали.

Сидимъ это подъ деревомъ и думаемъ, какъ намъ выдти на дорогу, что-бы

какимъ ни на есть манеромъ домой попастьъ?

Видимъ не подалеку отъ насъ, по дорогѣ, извозчикъ безъ сѣдока ѣдетъ. Сидитъ на козлахъ и дремлетъ.

Никита Иванычъ его окликнулъ:

— Стой, желтоглазый!

А онъ съ просонья какъ насъ увидалъ, перекрестился да тягу.

Отъ такой полной неприятности, что можетъ насъ извозчикъ за оборотней принять, мы получили меланхолю.

Никита Иванычъ на ругань перешелъ, а я все просебя Царя Соломона поминаю, потому что такой оказіи съ нами еще не бывало.

Сидимъ это подъ деревомъ и ждемъ — не пройдетъ-ли какой сердобольный прохожій.

Вдругъ слышимъ голоса.

Все ближе и ближе.

Мы съ Никитой Иванычемъ съ травы на дорогу, да къ нимъ на всѣтрчу, чтобы запримѣтили,

А тутъ цѣлуая куча народа: и барышни, и гимназисты... Изъ дачниковъ, полагать надо.

И, Боже ты мой, какой шумъ поднялся! Бросились всѣ бѣжать. Бѣгутъ да орутъ:

Видимъ дѣло плохо — опять въ лѣсокъ! Отъ срама, значитъ.

И не успѣли мы духъ перевести отъ усталости, какъ слышимъ погоню.

Дворники, да какіе-то рабочіе съ палками да метлами за нами въ паркъ бѣгутъ. А за ними дачники.

Видимое дѣло — искалѣчатъ. Я и говорю Никитѣ Иванычу:

— Надо спастись!

— Да нешто, гритъ, отъ этихъ аспидовъ убѣжишь? Какъ хочешь изымають...

Что дѣлать? — Кости такъ и заныли, потому что страхъ на все тѣло напалъ.

Что дальше будетъ — неизвѣстно, а пока что бросился я на дерево, да на манеръ заграничнаго тигра и поползъ къ вершинѣ.

Никита Иванычъ на другое дерево.

Насъ, конечное дѣло, запримѣтили.

— Слезавайте, говорятъ, срамники — честию, не то камнями сшибемъ.

Я взмолился:

— Братцы, говорю, — мы, петербургскіе купцы.

Не вѣрятъ!

— Сказывай, сказывай! Знаемъ мы этихъ купцовъ, которые въ проходномъ ряду пылью торгуютъ. Станутъ купцы такимъ дѣломъ заниматься, нагишомъ бабъ пугать.

— Честное слово купцы, а что ежели въ такомъ безобразномъ видѣ, такъ это по случаю одного происшествія.

— Слезавайте!

— Только вы насъ не трогайте...

— Что же на васъ, чертей, любоваться что-ли? Мы вамъ покажемъ, какъ дачниковъ пугать.

Подошли дворники къ деревьямъ, да какъ стали ихъ трясти, прямо-таки душа въ пятки ушла.

Я-то крѣпко уцѣпился за сучья и держался долго, а Никиту Иваныча быстрыми манерами стрясли. Грохнулся онъ о землю и безъ помощи никакъ встать не могъ.

Видю, что и мнѣ этого-же не миновать, кричу мучителямъ:

— Самъ сойду!

И сошелъ.

Связали намъ на спинѣ руки, привали проѣзжавшаго ломового извозчика, уложили на манеръ бревенъ, на телѣгу, брезентомъ прикрыли и направили въ участокъ.

Въ участкѣ происшествіе объяснилось. Изъ дому привезли намъ во что одѣться и потомъ мѣсяца полтора на люди показаться было невозможно. Никита Иванычъ и я до такой степени разсадили себя, взлѣзавши на дерево, что живого мѣста на всемъ тѣлѣ не было. У Никиты Иваныча и борода сильно претерпѣла. Когда онъ съ дерева-то летѣлъ, такъ задѣлъ бородой за сучокъ, да полбороды на немъ и оставилъ.

А когда поправились, Никита Иванычъ зарокъ далъ:

— Будь я трижды анафема, ежели когда променады буду дѣлать. Сказываютъ ихъ для здоровья доктора прописываютъ, а по моему, окромя неудобольствія, отъ нихъ ничего... Очень глупое леченіе!

И правильно!

Какой-же это променады, ежели опосля его шесть недѣль изъ дому не выходишь?

Копилка курьезовъ.

* * *
Пенлевэ сѣлъ на мѣсто Эрріо, Эрріо сѣлъ на мѣсто Пенлевэ.

Хорошо это или плохо?

— Если на какой-нибудь двери, господа, вы увидите начертанное: „00“, знайте, что отъ перестановки нулей произведеіе не измѣняется.

Сѣлъ ли Эрріо на мѣсто Пенлевэ, сѣлъ ли Пенлевэ на мѣсто Эрріо — Франція все равно не услышитъ своей Марсельезы: опять будутъ дудѣть ей въ ухо тотъ же самый интернаціональ.

* * *
Каждый разъ, когда мы получаемъ извѣстія о томъ, что совѣтская власть пытается стать „лицомъ къ деревнѣ“, намъ дѣлается весело и радостно на душѣ.

— Лицомъ, лицомъ, голубчики! И не закрывайте, пожалуйста, чтобы мужикъ лучше видѣлъ съ кѣмъ имѣетъ дѣло.

Вѣдь до сихъ поръ всѣ эти Циперовичи и Перельманы показывали деревнѣ только одинъ свои пятки, да и то издали. Сверкаютъ гдѣ-то, а въ чемъ дѣло — неизвѣстно.

Въ настоящее же время рѣшили, что уже не столько укрѣпили свою власть, что скрываться не за чѣмъ: подошли совсѣмъ близко, близко, на такое разстояніе, что до лица — рукой подать. И шляпу даже снимаютъ, чтобы хорошо разобрали: и носъ, и трахому, и уши.

— Циперовичъ! — спрашиваетъ теперь на улицѣ Москвы одинъ коммунистъ другого. — Что съ вами? У васъ не голова, а сплошной бинтъ! Честное слово!

— Ну, вотъ! Человѣкъ сдѣлалъ себѣ легкую перевязку со всѣхъ сторонъ, а онъ уже говоритъ — бинтъ.

— Циперовичъ, я же васъ увѣряю, что это бинтъ! На васъ лица нѣтъ! Все закрыто! Что случилось, Циперовичъ? Били морду? Или собственно ручно упали?

— Не вызывайте паники, Перельманъ! Видите — народъ собирается. Что особеннаго? Ну, ѣздилъ въ командировку. Ну, пробовалъ смычку... Ну, становился лицомъ къ деревнѣ... А вы — бинтъ!.. Били морду!.. Вы что: политнеграмотникъ, что-ли?

* * *
Въ С.С.С.Р., какъ извѣстно, запрещено произносить слово: „жидъ“. „Что вы здѣсь дѣлаете?“ — спрашиваетъ одинъ „недорѣзанный“ буржуй у другого, мрачно прогуливающегося по панели на углу Владимірскаго и Невскаго. „Да вотъ все трамвай... ожидаю, виновать, оевреиваю“, — пугливо оглянувшись по сторонамъ, отвѣчаетъ тотъ.

Гораздо пріятнѣе.

— Ходить съ бубноваго туза, чѣмъ съ бубновымъ тузомъ.

— Кого нибудь оставить съ носомъ, чѣмъ самому остаться съ носомъ.

— Раздавить мерзавчика, чѣмъ быть мерзавцемъ.

Изъ Конфуція.

Радость — пирожное, а пирожное, какъ извѣстно, рѣдкость для эмигранта, Отъ совѣтской тюрьмы — хотя душа черствѣетъ, за то голова умнѣетъ.

Изъ всѣхъ поцѣлуевъ эмигранту доступенъ только одинъ — бесплатный.

Въ парикмахерской „Union“.

— Вы такъ себя рекламируете! Чѣмъ же ваша парикмахерская лучше другихъ?

— У насъ всѣ мастера газеты читаютъ и вы можете съ ними о политикѣ разсуждать.

Пословицы.

Не гляди на моду — хорони большевиковъ въ воду.

Чтобы стать свиньей, — не надо родиться поросенкомъ, достаточно сходить въ совпосольство.

На охотѣ.

Два любителя — охотника долго бродили по полямъ и заросямъ, тщетно выискивая дичь и хвастаясь другъ передъ другомъ своимъ искусствомъ въ стрѣльбѣ. Вдругъ изъ подъ ногъ поднялся заяцъ. Одинъ изъ охотниковъ, цѣлясь, говоритъ: „Ну, теперь дѣлай, зайныка, завѣщаніе!“

Послѣдовалъ выстрѣлъ, но заяцъ продолжаетъ бѣжать, какъ ни въ чемъ не бывало.

„Посмотри, посмотри, и въ самомъ дѣлѣ заяцъ спѣшитъ къ нотариусу!“ иронизируетъ другой охотникъ.

Возвращеніе Тарзана.

Романъ Э. Бюроуза. Переводъ Э. М.

Продолженіе.

Въ то время, какъ они быстро отплывали отъ гибнущаго маленькаго судна, Джэнь Портеръ повернула голову, чтобы взглянуть на него въ послѣдній разъ. Въ это мгновеніе раздался громкій трескъ, послышались зловѣщіе раскаты и взрывы изъ самага сердца корабля — его машина сорвалась съ мѣста и покатила по направленію къ носу, вырывая по пути всѣ переборки; высоко надъ ними взвилась корма, секунду стояла неподвижно, какъ вертикальный столбъ, торчащій изъ нѣдръ океана, и яхта быстро погрузилась въ волны, носомъ внизъ.

Въ одной изъ шлюпокъ отважный лордъ Теннингтонъ смахнулъ слезу — его огорчала не матеріальная потеря, а утрата дорогаго, прекраснаго друга, котораго онъ нѣжно любилъ.

Долгая ночь, наконецъ, прошла, и тропическое солнце озарило катящіяся волны. Яркіе лучи его упали на лицо Джэнь Портеръ и пробудили ее отъ тревожнаго сна. Она оглянулась вокругъ. Въ шлюпкѣ съ ней сидѣли трое матросовъ, Клэйтонъ и Тюранъ. Она стала искать глазами другія шлюпки, но, насколько хваталъ ея взглядъ, ничто не нарушало ужаснаго однообразія водяной пустыни; они были одни, въ маленькой лодочкѣ, на безбрежномъ океанѣ.

Глава XVI.

Возвратъ къ первобытному.

Когда Тарзанъ упалъ въ воду, первымъ его побужденіемъ было отплыть въ сторону отъ судна, чтобы избѣжать опасности столкновения съ гребными винтами. Онъ прекрасно зналъ, кому онъ былъ обязанъ этимъ сюрпризомъ, и теперь, держась на поверхности океана и медленно перебирая руками, онъ съ безсильной досадой размышлялъ о томъ, какъ Роковъ перехитрилъ его.

Такъ онъ лежалъ нѣкоторое время, слѣдя за удаляющимися и быстро уменьшающимися огнями парохода, при чемъ ему даже въ голову не приходило позвать на помощь. Никогда въ жизни онъ не обращался ни къ кому съ просьбой о помощи; поэтому не удивительно, что и на этотъ разъ онъ остался вѣренъ себѣ. Онъ всегда опирался только на свою собственную изворотливость и мужество, да кромѣ того, со временъ Калы на его жизненномъ пути и не попадался никто, кто отвѣтилъ бы на такой призывъ.

По соображеніямъ Тарзана, шансы на то, что его подберетъ какое-нибудь судно, были болѣе, чѣмъ слабы; еще болѣе проблематичной представлялась ему возможность добраться вплавь до берега. Итакъ онъ рѣшилъ, что бы тамъ ни было, плыть по направленію къ берегу, который могъ быть ближе, нежели онъ предполагалъ.

Взмахи его рукъ были сильны и вмѣстѣ съ тѣмъ легки — еще много часовъ должно пройти, прежде чѣмъ его гигантскіе мускулы почувствуютъ усталость. Звѣзды указывали ему путь къ востоку, — онъ увѣренно и спокойно плылъ впередъ, озаряемый ихъ фосфорическимъ блескомъ.

Что-то стало затруднять его движенія: — это была тяжесть башмаковъ, недолго думая, онъ сбросилъ ихъ. На второй очереди оказались брюки, и дѣло дошло бы и до куртки, если бы не мысль о цѣнныхъ документахъ въ одномъ изъ ея кармановъ. Чтобы удостовѣриться въ ихъ наличности, онъ опустилъ руку въ карманъ, но — о, ужась, — карманъ былъ пустъ.

Теперь онъ понялъ, что нѣчто болѣе сильное, чѣмъ жажда мести, побудило Рокова выбросить его за бортъ: онъ рѣшилъ завладѣть бумагами, которыя Тарзанъ съ такимъ трудомъ вырвалъ у него въ Бу-Саадѣ. Тарзанъ тихонько выругался, сбросилъ куртку и сорочку и пустилъ то и другое по теченію Атлантическаго океана. Теперь

ничто не стѣсняло его, — его движенія сдѣлались еще болѣе легкими.

Приближался разсвѣтъ. Звѣзды надъ его головой начали блѣднѣть.

Вдругъ его зоркій глазъ различилъ вдали, прямо впереди него, неясныя очертанія большой темной массы, лежащей на водѣ. Нѣсколько сильныхъ взмаховъ рукъ — и онъ очутился около днища поломаннаго судна, омываемаго волнами.

Тарзанъ вскарабкался на него. Здѣсь онъ пробудеть, по меньшей мѣрѣ, до разсвѣта. Онъ не имѣлъ намѣренія провести это время въ состояніи бездѣйствія и сидѣть, сложа руки, въ то время, какъ голодъ и жажда все сильнѣе и сильнѣе будутъ овладѣвать его измученнымъ тѣломъ. Если ужъ суждено умерѣть, то лучше встрѣтить свой конецъ хотя бы въ обманчивой борьбѣ со смертью.

Море было совершенно спокойно, такъ что пристанище Тарзана лишь еле замѣтно покачивалось на водѣ, — и это равномерное колебаніе послужило колыбельной пѣснью для усталаго Тарзана, неспавшаго въ теченіи двадцати часовъ.

Онъ примостился на скользкихъ доскахъ и вскорѣ заснулъ.

Солнечный зной разбудилъ его рано поутру. Первымъ его сознательнымъ ощущеніемъ была жажда, которая возросла до размѣровъ истиннаго страданія, но моментъ спустя, это мучительное ощущеніе было заслонено чувствомъ радости отъ двухъ почти одновременно сдѣланныхъ открытій: первое, это была масса обломковъ разбитаго судна, плавающихъ возлѣ его пристанища, посреди которыхъ, вверхъ дномъ, виднѣлась спасательная лодка, — второе открытіе — была блѣдная, неясная полоса далекаго берега, виднѣвшаяся на востокѣ.

Тарзанъ нырнулъ въ воду и поплылъ кругомъ обломковъ къ спасательной лодкѣ. Холодная вода освѣжила его почти, какъ питье. Съ удвоившейся энергіей онъ протасилъ лодку къ мѣсту своего ночлега и послѣ цѣлаго ряда почти сверхчеловѣческихъ усилій втянулъ ее на скользкое днище. Тамъ онъ осмотрѣлъ ее — лодка оказалась совершенно цѣлой и спустя нѣсколько минутъ уже покачивалась на поверхности воды, рядомъ съ пристанищемъ Тарзана.

Затѣмъ, среди обломковъ, онъ нашелъ нѣсколько досокъ, которыя должны были послужить ему веслами, и, не медля ни минуты, направилъ ее въ сторону берега, виднѣвшагося вдали.

Уже близился вечеръ, когда онъ подвинулся настолько впередъ, что могъ различать предметы на землѣ, а также опредѣлять контуры береговой линіи. Передъ его глазами было нѣчто вродѣ узкаго прохода въ маленькій рейдъ, скрывшійся между берегами.

Поросшій лѣсомъ сѣверный мысъ его показался Тарзану странно знакомымъ. Неужели судьба такъ милостива къ нему? Неужели онъ вновь у родныхъ джунглей? Но, когда носовая часть лодки вошла въ проходъ рейда, исчезла послѣдняя тѣнь сомнѣній, такъ какъ тамъ, на берегу, подъ сѣнью его милаго дѣвственнаго лѣса виднѣлась родная хижина, выстроенная еще до его рожденія руками его давно-умершаго отца, Джона Клэйтона, лорда Грейстокъ.

Большими взмахами своихъ могучихъ рукъ Тарзанъ быстро погналъ лодку къ берегу и не успѣла она носомъ коснуться земли, какъ онъ выскочилъ на берегъ.

Сердце его билось радостью и восторгомъ, такъ какъ глаза его находили одно за другимъ, все давно знакомое, забытое: всю картину родного, взморья, хижину, маленькій ручей, густыя, вѣковыя заросли джунглей, темный, непроницаемый лѣсъ, міриады птицъ въ сверкающемъ опереніи, пышные тропическіе цвѣты на фонѣ причудливыхъ ярко-зеленыхъ ползучихъ растений, свѣшивающихся большими гирляндами съ гигантскихъ деревьевъ.

Тарзанъ вновь очутился на своей родинѣ, и, чтобы возвѣстить объ этомъ всей вселенной, онъ закинулъ свою молодую голову и громкимъ ликующимъ крикомъ выразилъ могучій трепетъ своей взволнованной души. Нѣсколько секундъ въ джунгляхъ царилъ тишина, затѣмъ, какъ бы въ отвѣтъ на этотъ вызовъ, послышался глухой и мрачный ревъ — это откликнулся левъ Нума; а издали слабо, невнятно донесся протяжный крикъ обезьяны.

Первымъ дѣломъ Тарзанъ пошелъ къ ручью и утолилъ свою жажду. Затѣмъ онъ приблизился къ хижинѣ. Дверь все еще была закрыта и замкнута на

засовъ, какъ онъ и д'Арно оставили ее. Онъ отодвинулъ засовъ и вошелъ внутрь. Все было на мѣстѣ и въ цѣлости: столъ, кровать, все внутреннее устройство хижины — шкафы и полки въ томъ же видѣ и на тѣхъ же мѣстахъ, на которыхъ они простояли въ теченіи двадцати трехъ лѣтъ, — какъ онъ оставилъ ихъ около двухъ лѣтъ назадъ.

Насытивъ глазъ, Тарзанъ почувствовалъ настоящую потребность удовлетворить и желудокъ, такъ какъ голодъ властно повелѣвалъ ему искать пищи. Въ хижинѣ не было и слѣда какихъ-либо продуктовъ. Оружія Тарзанъ также не имѣлъ, но на стѣнѣ висѣло одно изъ его старыхъ травяныхъ лассо. Это было очень кстати. Недоставало лишь ножа. Но, если онъ будетъ молодцомъ, то еще до заката слѣдующаго дня у него будетъ все: и ножъ, и дротикъ, и колчанъ, полный стрѣлъ, — обо всемъ этомъ позаботится лассо, одновременно оно дастъ ему и пищу. Онъ бережно свернулъ канатъ, перебросилъ его черезъ плечо и вышелъ, прикрывъ за собою дверь.

У самой хижины начинались джунгли, и въ нихъ осторожно и безшумно углубился Тарзанъ, вновь уподобившись дикому звѣрю, вышедшему на охоту. Первые нѣсколько минутъ онъ придерживался земли, но затѣмъ, не находя слѣдовъ, которые указывали бы на близость живого мяса, онъ быстро вскарабкался на дерево. Съ перевымъ же головокружительнымъ перелетомъ съ дерева на дерево въ немъ проснулась былая радость жизни. Теперь онъ жилъ. Теперь онъ всѣми фибрами своего существа ощущалъ истинное счастье совершенной свободы.

Кто захочетъ вернуться въ душные города, полные порока и злобы, когда великія джунгли сулятъ свободу и покой. Во всякомъ случаѣ, не онъ.

Еще засвѣтло Тарзанъ добрался до небольшого водоема, расположеннаго у маленькой лѣсной рѣчки. Въ этомъ мѣстѣ въ рѣчкѣ былъ бродъ, и сюда съ незапамятныхъ временъ лѣсные звѣри стекались на водопой. Здѣсь изъ ночи въ ночь можно было неизмѣнно встрѣтить Сабора или Нуму, притаившихся въ густой травѣ джунглей, въ

напряженномъ ожиданіи антилопы или оленя, лакомыхъ блюдъ на обѣдъ.

Сегодня на водопой спустился кабанъ Горта; сюда же на охоту пришелъ Тарзанъ.

Своимъ наблюдательнымъ пунктомъ онъ избралъ толстый сукъ большого дерева, росшаго у самой торопинки. Онъ ждалъ около часу. Надвигался мракъ. Тарзанъ уже началъ терять терпѣніе, какъ вдругъ изъ густой чащи, въ сторонѣ отъ рѣчки, до его напряженнаго слуха донесся звукъ шаговъ и шуршаніе густой, спутанной травы, по которой, очевидно, пробиралось громадное тѣло. Никто, кромѣ Тарзана, не слышалъ бы этого, по человѣкъ-обезьяна услышалъ и разобралъ: — это приближался левъ Нума, вышедшій, какъ и онъ, на охоту. Тарзанъ усмѣхнулся.

Въ этотъ моментъ онъ услышалъ еще чьи-то шаги. Какое-то животное осторожно пробиралось по тропинкѣ, по направленію къ водоему. Вотъ оно начало медленно спускаться къ рѣчкѣ — это былъ кабанъ Горта. Вотъ несомнѣнно лакомое блюдо... Тарзанъ почувствовалъ щекотаніе слюны въ горлѣ.

Трава, въ которой притаился Нума, замерла: тамъ царила абсолютная зловѣщая тишина.

Горта прошелъ подъ сукомъ, на которомъ сидѣлъ Тарзанъ, скрытый густыми вѣтвями. Еще нѣсколько шаговъ, и онъ будетъ въ предѣлахъ прыжка Нумы. Тарзанъ ясно рисовалъ себѣ, какъ сверкали въ этотъ моментъ глаза стараго Нумы, — какъ онъ уже стягивалъ дыханіе для того, чтобы испустить ревъ, отъ котораго заледенѣетъ кровь въ жилахъ его жертвы, въ теченіе короткихъ жуткихъ минутъ между прыжкомъ и хрустѣніемъ костей въ страшныхъ объятіяхъ хищника.

Но въ тотъ моментъ, какъ Нума уже готовился прыгнуть, съ ближняго дерева длинный канатъ прорѣзалъ воздухъ — и вокругъ шеи Горты обвилась петля. Послышалось испуганное хрюканье и визгъ, и затѣмъ Нума увидѣлъ, какъ кто-то невидимый потащилъ намѣченную имъ жертву вверхъ по тропинкѣ, а когда онъ сдѣлалъ прыжокъ, кабанъ Горта взвился вверхъ, надъ самой его пастью, и исчезъ въ густой листвѣ дерева, а чья-то насмѣшливая физиономія глянула на него сверху внизъ

и дерзко разсмѣялась прямо ему въ глаза.

Тогда уже Нума заревѣлъ. Разъяренный, озлобленный, голодный, онъ зашагалъ взадъ и впередъ, подъ деревомъ, на которомъ сидѣлъ его счастливый соперникъ. Вотъ онъ остановился, всталъ на заднія лапы и, оперевшись передними въ стволъ дерева, неистово вонзилъ свои огромные когти въ кору, вырывая куски ея и обнажая бѣлую древесину.

А Тарзанъ въ это время успѣлъ втащить сопротивлявшагося Горту на сосѣдній сукъ.

Сильные пальцы завершили то, что начала жестокая петля. У Тарзана не было ножа, но природа наградила его умѣниемъ отдирать руками мясо отъ костей животнаго, — и вотъ, о, блаженство, — его сверкающіе зубы впились въ сочное мясо, въ то время, какъ неистовствующій левъ въ безсиьной злобѣ смотрѣлъ снизу, какъ другой наслаждается обѣдомъ, который онъ считалъ своимъ.

Было уже совсѣмъ темно, когда Тарзанъ насытился. Да, обѣдъ былъ поистинѣ великолѣпный. Никогда онъ не могъ приучить себя ко вкусу жалкаго подобія мяса, которымъ угощали его цивилизованные люди, и въ глубинѣ его первобытной души всегда таилась жадная тоска по теплomu, дымящемуся мясу только-что убитаго звѣря, по обильной, красной крови.

Онъ вытеръ окровавленные пальцы о пучекъ листьевъ, взвалилъ остатки своей добычи на плечи и отправился въ обратный путь. Опять онъ шелъ не по землѣ, а передвигался съ дерева на дерево по переплетающимся между собой вѣтвямъ.

А въ эти самыя минуты, за тысячи миль отъ него къ востоку, на Индійскомъ океанѣ, Джэнъ Портеръ и Вильямъ Сесиль Клэйтонъ заканчивали пышный обѣдъ на палубѣ „Леди Алисъ.“

Внизу подъ Тарзаномъ шагаль левъ Нума.

Тарзана занимала мысль: неужели Нума будетъ преслѣдовать его вплоть до дверей хижины. Это ему очень не улыбалось, такъ какъ тогда ему предстояла полубезсонная ночь, въ неудобной позѣ, на развилинѣ дерева, чему онъ,

конечно, предпочиталъ мягкое травяное ложе внутри своего шалаша.

Но на этотъ разъ Нума, повидимому, отказался отъ дальнѣйшаго преслѣдованія. Оглашая воздухъ дикимъ ревомъ, онъ злобно повернулъ назадъ на поиски другого, болѣе легкаго обѣда.

Итакъ, Тарзанъ безпрепятственно добрался до своей хижины и нѣсколько минутъ спустя уже лежалъ на мягкомъ ворохѣ, представлявшемъ остатки травяной постели.

Такъ легко и непринужденно сбросилъ съ себя monsieur Жанъ К. Тарзанъ тонкую оболочку искусственной цивилизации, и счастливый и удовлетворенный погрузился въ глубокой сонъ, какой природа даруетъ лишь дикому звѣрю послѣ полного насыщенія.

А маленькое женское „да“ могло навсегда привязать его къ той, совершенно другой жизни, и тогда самая мысль объ этомъ дикомъ существованіи казалась бы ему невѣроятно отталкивающей.

Поздно на другой день проснулся Тарзанъ, такъ какъ онъ былъ очень утомленъ чрезмѣрнымъ напряженіемъ, въ которомъ находился въ минувшія сутки, проведенныя въ океанѣ, а также трудной экспедиціей въ джунгли, заставившей играть всѣ его мускулы, которые бездѣйствовали около двухъ лѣтъ.

Первымъ дѣломъ онъ побѣжалъ къ ручью, чтобы напиться, затѣмъ выкупался въ морѣ.

Вернувшись въ хижину, онъ позавтракалъ остатками мяса Горты.

Затѣмъ, взявъ свое лассо, онъ направился въ джунгли. На этотъ разъ онъ искалъ человѣка.

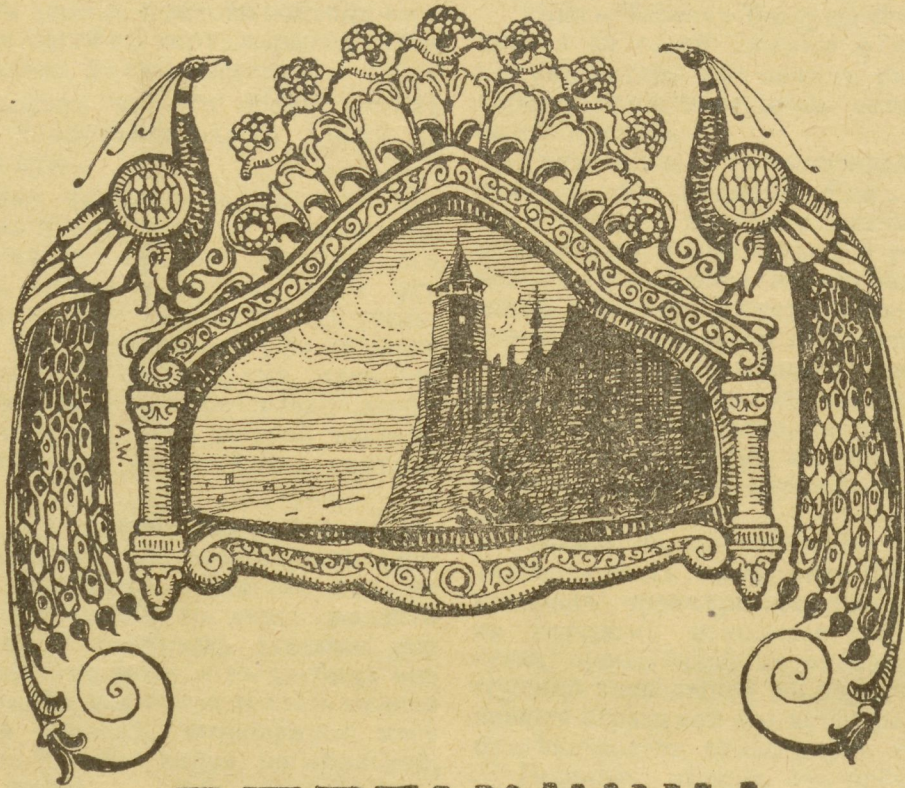
Сегодняшняя экспедиція была вызвана нуждою въ оружіи.

Тарзана крайне интересовалъ вопросъ, остались ли въ древушкѣ Мбонга женщины и дѣти послѣ карательной экспедиціи съ французскаго крейсера, истребившей, по дошедшимъ до него слухамъ, все мужское населеніе деревни, въ отместку за предполагаемую смерть д'Арно. Онъ не терялъ надежды найти тамъ, хотя бы нѣсколько воиновъ, такъ какъ мысль объ абсолютномъ истребленіи мужчинъ представлялась ему невѣроятной.

Продолженіе слѣдуетъ.

Вышла изъ печати новая книга:

Александръ Черниговскій.

СТРЕМНИНЫ.

ЛЕГЕНДЫ И СИЛУЭТЫ ИЗГНАНІЯ.

Dum spiro, spero... — Обыденный. — Закладъ Се. Чудотворца Николая. — Сильнѣ женщины. — Камея. — Сердце народа. — Лицо жизни. — Главкомъ. Обложка работы художника А. И. Владовскаго.

Из-во „Алконость“, Ревель—Берлинъ.

Цѣна **165** мар. Продажа во всѣхъ лучш. книжныхъ магазинахъ Ревеля. Выписывающіе изъ склада изд., Б. Іоакиметальская, № 2, типографія „Эркъ“, за пересылку не платять.

Экстренный выпускъ журнала „ЭМИГРАНТЪ“

Ревель, 10-го марта 1925 г.

Вождь эмиграціи объ окраинныхъ государствахъ.

Въ парижскомъ „Вечерномъ Времени“ напечатана статья:

Готово-ли бѣженство сказать свое слово о русскихъ дѣлахъ?

ОТЪ РЕДАКЦИИ:

Мы обращаемъ вниманіе читателей на печатаемую ниже статью: „Готово ли бѣженство сказать свое слово о русскихъ дѣлахъ?“, исходящую изъ весьма авторитетнаго источника.

Не такъ давно въ Парижѣ былъ профессоръ Эдинбургскаго университета, г. Сароли, авторъ замѣчательныхъ статей и книгъ о совѣтской Россіи, побывавшій тамъ лично и серьезно изучившій современное положеніе Совдеціи.

Въ одной изъ своихъ бесѣдъ съ представителями различныхъ теченій эмиграціи, г. Сароли, между прочимъ, высказалъ личное убѣжденіе въ непрочности совѣтскаго режима и возможности его паденія въ не столь отдаленномъ времени. Обращаясь къ представителямъ „мозга“ эмиграціи, онъ сдѣлалъ такого рода предупрежденіе:

„Смотрите, какъ бы событія въ Россіи не возникли для васъ неожиданно. Когда, послѣ безконечно-тянувшейся войны, наступилъ столь долго-жданый миръ, то оказалось, что онъ всѣхъ захватилъ врасплохъ и никто къ нему не былъ готовъ. Вотъ почему, можетъ быть, онъ вышелъ такой плохой. Какъ бы не оказаться вамъ въ томъ же положеніи, когда надутъ большевики. Готовы ли вы сказать свое слово? Есть ли у васъ руководящія начала?“

Эти слова одного изъ наиболее вдумчивыхъ наблюдателей того, что происходитъ въ Россіи, не должны остаться для насъ втунѣ. Можно быть разныхъ мнѣній о степени прочности совѣтскаго режима, можно добросовѣстно признаться въ невозможности опредѣлить какіе-либо самые приблизительные сроки его паденія, но это самое неувѣднѣнное побуждаетъ насъ быть въ состояніи готовности въ каждую данную минуту.

На вопросъ г. Сароли: „Готовы ли вы сказать свое слово? Есть ли у васъ руководящія начала?“, — огромное большинство національно и государственно-настроеннаго русскаго бѣженства имѣетъ право сослаться на взгляды, авторитетно изложенные въ бесѣдѣ Великаго Князя Николая Николаевича съ представителемъ американской печати, весной 1924 года. Изъ этой бесѣды можно почерпнуть отвѣты почти на всѣ главные вопросы, какъ ихъ можно мыслить въ рамкахъ и условіяхъ бѣженства.

Прежде всего. — „Мы не должны здѣсь, на чужбинѣ, предрѣшать за русскій народъ его государственное устройство. Они могутъ получить разрѣшеніе только на русской землѣ въ согласіи съ чаяніями русскаго народа“.

Однако, уже и теперь, изъ словъ Великаго Князя въ этой бесѣдѣ крестьяне могутъ почерпнуть успокоительное завѣреніе, что „земля, которую пользуются крестьяне, не должна быть у нихъ отнята“. Служащіе въ красной арміи предупреждены, что „власть учтетъ тяжелое положеніе тѣхъ, кто въ рядахъ красной арміи вынужденъ былъ повиноваться коммунистическому правительству. Тоже

Национальная Россія и Эстонія.

Бесѣда съ проф. А. К. Баювымъ.

Въ связи съ ложными сенсациями варшавской „Рѣчи Посполитой“ по вопросу объ отношеніи национально-ориентированной части русской эмиграціи къ независимости Эстоніи и окраинныхъ государствъ, нашъ сотрудникъ посѣтилъ профессора А. К. Баюва, какъ одного изъ наиболее видныхъ и авторитетныхъ членовъ ревельской русской колоніи.

— Не откажите разъяснить, профессоръ, какъ стоялъ вопросъ объ отношеніи русскаго національнаго движенія, возглавляемаго Е. И. В. Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ къ независимости Эстоніи и вообще окраинныхъ государствъ до опубликованія пресловутаго интервью съ Кухарскимъ.

— Могу съ большимъ удовлетвореніемъ заявить, что какъ разъ за нѣсколько дней до появленія этихъ странныхъ сообщеній г. Корабъ-Кухарскаго вопросъ объ отношеніи Национальной Россіи къ Эстоніи и лимитрофамъ получилъ, наконецъ, необходимую ясность. Въ 253 номерѣ парижскаго „Вечерняго Времени“, отъ 8/21 февраля напечатана весьма знаменательная редакционная статья подъ заглавіемъ: „Готово ли бѣженство сказать свое слово о русскихъ дѣлахъ“. Вамъ извѣстно, что газета Б. А. Суворина вообще довольно точно отражаетъ мнѣнія и взгляды руководящихъ круговъ русской національной эмиграціи. Въ данномъ же случаѣ статья предпослана было особое предисловіе съ указаніемъ, что статья исходитъ „изъ весьма авторитетнаго источника“. Въ ней указано:

„Наши сосѣди и доброжелатели на Западѣ интересуются вопросомъ — какую позицію займетъ будущая национальная власть въ Россіи по отношенію къ новымъ государствамъ, возникшимъ въ результатъ войны: Польшѣ, Финляндіи, Прибалтійскимъ Государствамъ и старому сосѣду — Румыніи.“

„Есть однако и теперь возможность, не вдаваясь въ рѣшеніе сложныхъ вопросовъ, установить нѣкоторые основные принципы, которые не превышаютъ компетенціи национально и государственно мыслящихъ элементовъ эмиграціи, въ полномъ соответствіи съ общимъ характеромъ и духомъ заявленія Великаго Князя Николая Николаевича.“

„Принципы эти весьма просты: будущая национальная государственная русская власть, которая придетъ на смѣну большевикамъ, не будетъ посягать на самостоятельность новыхъ, сосѣднихъ съ Россіей государствъ.“

самое относится и ко всѣмъ, находящимся на совѣтской службѣ“. На конецъ, рабочимъ сказано, что „власть поставитъ своей задачей улучшеніе положенія рабочихъ“.

Не менѣе важны общія положенія:

„Миръ, законность и порядокъ должны смѣнить господство произвола... Сейчасъ Россіей правитъ партія во имя интересовъ классовыхъ и интернаціональных. На смѣну ей должна придти власть національная,

вы видите, такимъ образомъ, что со стороны Национальной Россіи нѣтъ и не можетъ быть и рѣчи о какомъ либо посягательствѣ на самостоятельное государственное бытіе отдѣлившихся отъ совѣтской Россіи народовъ, считая въ томъ числѣ не только Польшу и Финляндію, но и всѣ вообще безъ различія окраинныя государства, возникшія на западной границѣ Россіи: Эстонію, Латвію и Литву. Всѣмъ национально мыслящимъ русскимъ дана отнынѣ опредѣленная директива, которой онѣ должны придерживаться при опредѣленіи линіи своего политическаго поведенія и высказыванія своихъ взглядовъ.“

— Насколько можно считать, что цитированная Вами статья отражаетъ мнѣніе Вождя русскаго національнаго теченія? Въдѣ въ ней указано только, что статья исходитъ изъ весьма авторитетнаго источника.

— По разнымъ поводамъ и въ разное время при обмѣнѣ мнѣній съ посѣщавшими Ревель и лично извѣстными мнѣ представителями русской эмиграціи въ Парижѣ я неоднократно высказывалъ убѣжденіе, что исполнѣнное заявленіе о позиціи грядущей Национальной Россіи въ вопросѣ о самостоятельности Эстоніи и вообще окраинныхъ государствъ было бы съ удовлетвореніемъ встрѣчено всѣми истинными друзьями національной Россіи и массой проживающей въ Эстоніи русской эмиграціи.

За послѣднѣе время наши парижскіе друзья обѣщали оказать содѣйствіе скорѣйшему разрѣшенію этого вопроса. Статья въ „Вечернемъ Времени“ и явилась отвѣтомъ на всѣ эти вопросы. Немедленно по ея появленіи эта статья была воспринята русской національной эмиграціей именно какъ признаніе Великимъ Княземъ отъ имени русской національной власти независимости Эстоніи и окраинныхъ государствъ.

— Какъ же относится Вы, профессоръ, къ интервью А. Ф. Трепова съ Корабъ-Кухарскимъ?

Теперь печальная исторія этого дѣла вполне разъяснилась. — Уже при самомъ чтеніи этого весьма страннаго сообщенія было вполне очевидно, что нѣкто, намъ враждебный, рассчитывалъ ссылкой на авторитетъ Великаго Князя вызвать вражду къ русской эмиграціи не только въ Эстоніи, но и во всѣхъ Балтійскихъ государствахъ. Это во первыхъ, а во вторыхъ, быть можетъ, хотѣлось и вбить извѣстный кливъ между

внѣклассовая и внѣпартійная. Эта власть должна быть твердой и сильной, и, въ то же время, справедливой и просвѣщенной. Она должна стать на охрану священныя правъ личной и гражданской свободы, собственности, правопорядка. Прекращеніе классово и національно ненависти, предотвращеніе насилія однихъ надъ другими и всякаго рода самоуправства, предоставленіе народамъ, входящимъ въ составъ Россійскаго государства, права свободнаго развитія ихъ національной жизни — вотъ главные начала,

Польшей съ одной стороны и Балтійскими государствами — съ другой. Какъ бы то ни было, но сразу возникло не только сомнѣніе въ подлинности интервью, но и подозрѣніе въ провокаціи. Были приняты мѣры, чтобы получить заявленіе по этому поводу отъ самого А. Ф. Трепова. Вотъ текстъ полученной отъ него телеграммы:

Телеграмма.

Сообщеніе Кухарскаго, касающееся Прибалтійскихъ странъ и въ частности Восточной Пруссіи, совершенно противоположно моему точкѣ зрѣнія, заключающейся въ уваженіи свободы этихъ государствъ въ мирномъ сожительствѣ съ сосѣдями. Я никогда ничего не говорилъ именемъ Великаго Князя. Это недопустимая ошибка. Опроверженіе появилось въ русскихъ газетахъ.

Треповъ.

Communiqué Konharsky, concernant pays Baltes et surtout Prusse orientale absolument oppose mon point de vue, qui consiste respecter liberte de ces pays et vivre en paix avec voisins. Je n'ai jamais rien dit au nom du Grand Duc. C'est une erreur inadmissible. Dementi paru journaux russes.

Треповъ.

Теперь всякія сомнѣнія по поводу г. Корабъ-Кухарскаго отпадаютъ. Какъ видите, А. Ф. Треповъ не только дезавуируетъ вольную или невольную ложь этихъ сообщеній, но и высказываетъ свою солидарность съ тѣми принципами отношенія къ окраиннымъ государствамъ, которыя „Вечернее Время“ резюмировало въ словахъ:

„Будущая национальная государственная русская власть не будетъ посягать на самостоятельность новыхъ, сосѣднихъ съ Россіей Государствъ“.

— Не вызвало ли опубликованное „разоблаченіе“ Корабъ-Кухарскаго какихъ-либо нежелательныхъ осложнений въ русско-эстонскихъ отношеніяхъ.

— Съ радостью констатирую, что мѣстная эстонская пресса и общественное мнѣніе очень сдержанно отнеслись къ ложнымъ сенсациямъ г. Корабъ-Кухарскаго. Наоборотъ, насколько мнѣ извѣстно, отношеніе Великаго Князя къ вопросу о независимости Эстоніи очень скоро проникло въ широкіе эстонскіе круги и произвело вполне благоприятное впечатлѣніе.

которыя должны быть положены въ основу возрожденія Россіи..

Если къ этому прибавить, что „у Россіи можетъ быть только русская политика“. — то, казалось бы, что еще прибавить къ этимъ руководящимъ началамъ? И если мы напоминаемъ ихъ здѣсь, то лишь потому, что время ничего не можетъ измѣнить въ нихъ по существу, а потому слѣдуетъ зарубить въ памяти эти простыя и ясныя начала, оберегая ихъ отъ кривотолковъ и пере-

толкований. Они стали своего рода хартией русского бженства,

Но жизнь идет вперед. Время не за большевиков, и чѣмъ ближе сосѣди ихъ и западныя государства входятъ въ соприкосновение съ совѣтскимъ режимомъ, тѣмъ больше у нихъ, повидимому, укрѣпляются сомнѣнія въ возможности установленія нормальныхъ съ ними отношеній, а также самой его жизнеспособности. За послѣднее время въ различныхъ политическихъ центрахъ пробуждается извѣстный интересъ къ мнѣнію тѣхъ круговъ бженства, которые представляются наиболее вѣскими и авторитетными выразителями національнаго сознанія. Это накладываетъ на послѣдніе обязанность сугубой ответственности и осторожности въ высказываніи своихъ взглядовъ.

Наши сосѣди и доброжелатели на Западѣ интересуются вопросомъ: какую позицію займетъ будущая національная власть въ Россіи по отношенію къ новымъ государствамъ, возникшимъ въ результатѣ войны: Польшѣ, Финляндіи, Прибалтійскимъ государствамъ и старому сосѣду — Румыніи?

Между этими государствами и Россіей существуютъ далеко не одинаковые интересы и весьма различные спорные вопросы. Входить въ обсужденіе ихъ по существу было бы въ настоящее время совершенно академическимъ занятіемъ, ибо это значило бы для насъ рѣшать вопросы безъ хозяина, какимъ является Русскій Народъ.

Есть, однако, и теперь возможность не вдаваясь въ рѣшеніе сложныхъ вопросовъ, намѣтить способы ихъ разрѣшенія, установить нѣкоторые основные принципы, которые не превышаютъ компетенціи национально и государственно мыслящихъ элементовъ эмиграціи, въ полномъ соотвѣтствіи съ общимъ характеромъ и духомъ заявленій Великаго Князя Николая Николаевича.

Принципы эти весьма просты: будущая национальная государственная русская власть

которая придетъ на смѣну большевикамъ, на будетъ посягать на самостоятельность новыхъ сосѣднихъ съ Россіей государствъ.

При взаимномъ желаніи, конечно, вполне возможно найти пути соглашенія взаимныхъ интересовъ и разрѣшенія спорныхъ вопросовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что задачи внутренняго возрожденія и строительства поглотятъ надолго вниманіе и усиліе нынѣшняго и грядущаго поколѣнія.

Это строительство будетъ само, безъ сомнѣнія, покоиться на началѣ широкаго уваженія национальныхъ и областныхъ особенностей внутри самой Россіи. Проводимое во внутренней политикѣ это начало, послужитъ въ свою очередь лучшимъ обезпеченіемъ для отдѣлившихся изъ состава Россіи окраинныхъ государствъ, въ томъ, что на ихъ независимое бытіе никто посягать не будетъ и что взаимные экономическіе интересы, вытекающіе изъ географическаго положенія, найдутъ свое разрѣшеніе въ полюбовныхъ соглашенияхъ.

На такомъ же пути мирныхъ соглашеній будущая Россія поставитъ своей задачей установитъ отношенія и съ другими сосѣдями. Первая и всепоглащающая работа русскихъ патриотовъ — освобожденія и возстановленія Россіи. Этой заботѣ подчинены всѣ прочія. Въ процессѣ достиженія этой цѣли опредѣлятся кто истинные друзья Россіи и кто ея враги. И лучшимъ отвѣтомъ на могущія возникнуть у нашихъ сосѣдей безпокойства могутъ служить заключительныя слова бесѣды Великаго Князя:

„Истинные друзья познаются въ несчастіи и кто окажется такимъ другомъ въ дѣлѣ освобожденія и возстановленія національной Россіи, тотъ можетъ спокойно разсчитывать на ея признательность въ будущемъ“.

Опроверженіе А. Ф. Трепова

— Я ни въ какой степени не полномоченъ говорить отъ имени Великаго Князя Николая Николаевича, — заявилъ въ бесѣдѣ съ нашимъ сотрудникомъ А. Ф. Треповъ, — и далеко не въ полной мѣрѣ посвященъ во всѣ Его намѣренія. Тѣмъ болѣе, ясно, что г. Корабъ-Кухарскій, передавая въ Варшавскую печать въ своемъ изложеніи содержаніе нашей краткой и частной бесѣды, неправильно меня понялъ въ той части, въ которой онъ связываетъ эту бесѣду съ полномочіемъ отъ Великаго Князя. Полномочія на эту бесѣду и на передачу г. Корабъ-Кухарскому чего бы то ни было я не имѣлъ. Но я твердо знаю одно, что Великій Князь Николай Николаевичъ готовъ на жертвенную и безкорыстную службу Россіи. Поэтому Россія, въ лицѣ своихъ истинныхъ патриотовъ, на какой бы землѣ они ни находились, безоговорочно послѣдуетъ за Великимъ Княземъ, видя въ немъ Национальнаго Вождя даннаго времени и вовсе не касаясь вопроса ни о будущей политической формѣ Россіи ни о положеніи въ ней Великаго Князя. Ни на царскую корону, ни на президентское кресло Великій Князь не имѣетъ видовъ и въ этомъ Его великая моральная сила. Обсуждая далѣе ту краткую бесѣду изъ которой г. Корабъ-Кухарскій сдѣлалъ выводы, не во всемъ согласованные по существу, я долженъ сказать, что вопросъ о самостоятельности Польши и независимости ея существованія, не касаясь, однако ея могущества, несомнѣнно, вполне отвѣчаетъ нашимъ взглядамъ, высказаннымъ съ полной искренностью русской правительственной властью еще во время войны. Придерживаясь нынѣ того же взгляда относительно независимости Финляндіи, мы чужды мысли о какомъ либо принужденіи и въ отношеніи Прибалтійскихъ государственныхъ новообразованій. Если

имъ суждено, какъ мнѣ кажется, вернуться въ составъ Россіи, въ качествѣ автономныхъ единицъ, то это свершится только въ силу ихъ свободнаго къ тому влеченія, основаннаго на общности экономическихъ и политическихъ интересовъ.

Вообщемъ, русскіе люди, видя пользу Россіи въ содружествѣ съ Франціей и Польшей, далеки отъ мысли объ отрицательномъ отношеніи къ другимъ державамъ. Всѣ тѣ изъ нихъ, которые поймутъ, что ихъ интересамъ соотвѣтствуетъ возрожденіе Россіи, свободной отъ какого-либо интернациональнаго или иного засилія, могутъ быть убѣждены въ безусловномъ доброжелательствѣ къ нимъ русскихъ патриотовъ“.

— Едва ли возможно, — продолжалъ далѣе А. Ф. Треповъ, теперь же категорически высказаться по столь труднымъ вопросамъ, какъ восточныя границы Польши, ея обезпеченный выходъ къ морю и вообще по вопросу о судьбѣ Восточной Пруссіи. Было бы крайне легкомысленно и ничуть не отвѣчаетъ моему пониманію предвидѣть какое либо раздѣленіе этой нѣмецкой провинціи. Взаимоотношенія въ этихъ мѣстахъ трехъ прикасающихся державъ столь сложны, что было бы политической незрѣлостью теперь же предвидѣть рѣшительный исходъ вопросовъ, требующихъ совмѣстнаго и доброжелательнаго изученія и обсуждения.

Но одно надо неуклонно имѣть въ виду — закончилъ бесѣду А. Ф. Треповъ, — Россія — будущая возрожденная Россія, — желаетъ жить въ мирѣ со всѣми сосѣдями и поэтому и эти вопросы должны быть рѣшены такъ, чтобы дать прочное и справедливое удовлетвореніе национальному чувству заинтересованныхъ, дабы не создала въ Востокѣ Европы новой Эльзасъ-Лотарингіи.

Мѣстная жизнь изъ залы суда.

„Любовь и деньги“.

На этихъ дняхъ въ апелляціонномъ отдѣленіи Ревельско-Гапсальскаго Мироваго Съѣзда слушалось очень интересное дѣло.

Артистка Юлія Р. въ своемъ апелляціонномъ отзывѣ просила увеличить наказаніе обвиняемому Юрію Салисте, котораго Мировой Судья приговорилъ къ мѣсяцу ареста за самоуправство, выразившееся въ продажѣ картинъ жалобщихъ Р., висѣвшихъ въ комнатѣ,

занимаемой обвиняемымъ въ квартирѣ потерпѣвшей.

Дѣло въ томъ, что г-жа Р. нѣсколько лѣтъ назадъ оптировалась изъ Петрограда въ Эстонию, вывезла съ собой значительное имущество на сумму до 2.000.000 марокъ. Прибывъ въ Ревель, Р. знакомится въ молодомъ человѣкомъ по имени Ю. Салисте. Послѣдній, узнавъ, что пріѣзжая — богатая дама, начинаетъ за ней ухаживать, предлагая

„Тяпъ, ляпъ... Корабъ“.

Статья Александра Черниговскаго.

Г. Корабъ-Кухарскій...

Кто изъ русской, разсѣянной по всему міру эмиграціи еще не дѣлю назадъ зналъ или слышалъ это имя.

Увы.

Есть въдѣ обязательные подневольные читатели газетъ и журналовъ. Есть профессиональные глотатели и опробователи всякаго рода статей.

Это мы, журналисты. Газетный день приноситъ намъ пеструю и почти всегда отравленную стряпню. Вотъ и пробуй ее предворительно, какъ исправный и рачительный оберъ-кухарь. Пробуй раньше читателя, чтобы онъ, нашъ капризный и ничего не прощающій тысячеголовый тиранъ, не заболѣлъ несвареніемъ своего мысленнаго желудка.

А статьи и корреспонденціи г. Корабъ-Кухарскаго, „двудоннаго“ польско-французскаго журналиста, печатавшася въ „Matin“ и другихъ французскихъ изданіяхъ подъ псевдонимомъ Henri de Korabъ всегда были именно таковы.

Всегда отъ нихъ отдавало, какъ изъ уборной лихого безпардонаго совѣтскаго гастролера заграничей.

Смѣсь дешевыхъ и пряныхъ духовъ, наглой, съ задняго крыльца купленной саморекламы, жирныхъ, какъ сало, зафуженныхъ модныхъ „словечекъ“. И надъ всѣмъ густой ароматъ провокаціонно распоясавшейся челоуѣчины.

Но на этотъ разъ этотъ достойный представитель варшавской „дукерной“ прыгнулъ, можно сказать, выше самого себя.

Г. Корабъ Кухарскій перекухарилъ:

— Тяпъ, ляпъ и вышель... Корабъ.

Говорятъ, что знаменитый греческій художникъ Парразій въ древности нарисовалъ однажды винограду съ хлѣбными зернами столь искусно, что птицы прилетали и клевали ихъ.

Конечно это были не очень умныя птицы.

Обошедшая многія газеты пресловутая бесѣда г. Корабъ Кухарскаго съ А. Ф. Треповымъ, конечно одинъ изъ самыхъ посредственныхъ образцовъ своего не слишкомъ почтеннаго жанра. Но тѣмъ менѣе наивныхъ птицъ, попавшихся на эту грубую и насѣдочную приманку, оказалось болѣе, чѣмъ можно было думать:

Слетѣлись, пробовали клевать и встревоженно хлопали насѣдочными крыльями.

Теперь послѣ телеграммы А. Ф. Трепова и опроверженія „Вечернаго Времени“ нѣтъ нужды доказывать, что г. Корабъ-Кухарскій варилъ свою стряпню весьма непочтеннымъ способомъ:

— Въ соусъ высонной изъ пальца чистой — и даже не слишкомъ чистой отсебятины.

Удивительно только, какъ такое грубо накухаренное варево могло цѣлую недѣлю вводить въ заблужденіе, казалось, серьезныхъ людей, вызывать политическіе страсти и заставлять перекидываться мячиками телеграммъ и официальныхъ донесеній съ одного конца Европы въ другой.

Почему же пошли на эти грубыя приманки всѣ эти наивныя „парразіевскія“ птицы.

Почему онѣ попались? Иностранцы — потому, что очень многие изъ нихъ вообще рады повѣрить и начать негодовать первыми всегда, когда есть хотя

тѣнь видимости, что русская политика дѣлаетъ грубые гаффы или русское дѣло терпитъ пораженія.

Русскіе — изъ лагеря „соціально-улюлюющихъ миллюковскихъ „блюстителей демократіи“ или изъ породы ноющихъ „не долѣвъ дѣятелей“ — потому, что вообще не ждуть отъ Россіи и русскихъ ничего путнаго:

Что молъ можетъ быть добраго изъ Назарета?

3.

Ломоносовъ говаривалъ, когда его сердили:

— Дуракомъ не хочу быть у самого Господа Бога.

Нѣтъ, оставьте. Намъ, русскимъ националистамъ, даже въ тысячу разъ болѣе умные и с к у с т е л и Кухарскіе не навязуютъ своихъ рецептовъ, полезныхъ только большевикамъ.

„Передъ очевидностью говорить челоуѣческой рѣчью и сама Валамова ослица“. Даже Чичеринъ на страницахъ московскихъ „Известій“ распинается въ своемъ уваженіи къ независимымъ государствамъ Прибалтики.

Ясно, что признаніе независимости Эстоніи и окраинныхъ государствъ, сосѣдей грядущей Россіи, составляетъ для русской эмиграціи не только политическую необходимость, но и основное условіе расчета при всякихъ мыслимыхъ комбинаціяхъ возможной когда-либо борьбы съ большевиками.

Ясно, что угрожать раздѣломъ Восточной Пруссіи намъ, не имѣющимъ ни арміи, ни территоріи, болѣе чѣмъ нелѣпо.

Кстати, еще существенная деталь: Независимость Эстоніи была признана бойцами за Национальную Россію ранѣе всѣхъ другихъ окраинныхъ государствъ. Ее призналъ Временный Русскій Совѣтъ и Частіи Сѣвернаго Корпуса еще въ мартѣ 1919 года, при самомъ возникновеніи идеи похода на Петроградъ*).

Теперь, послѣ послѣдовавшей прямой директивы изъ руководящаго центра отвѣтственные дѣятели національной эмиграціи просто примутъ этотъ принципъ къ свѣдѣнію и исполненію:

— Быть посему.

4.

Я не думаю, однако, что бы г. Корабъ-Кухарскій, не заглянувъ въ святцы и бухнувъ въ колоколь, просто опростоволохился лишь по невинности.

Нѣтъ. Дѣло стоитъ не такъ просто, Кто то хотѣлъ сорвать опубликованное въ „Вечернемъ Времени“ признаніе.

Кто то хотѣлъ создать нашему дѣлу, дѣлу національной Россіи, враговъ въ Балтійскихъ Государствахъ, въ Германіи и за проволокой.

Но не вышло.

Шумиха вокругъ интервью съ Корабъ-Кухарскимъ только способствовала выясненію вопроса:

— Национальная русская власть не посягнетъ на независимость новыхъ государствъ, возникшихъ въ результатѣ войны и революціи.

Скандалъ же и шумъ недобросовѣстной сенсации — цѣлкомъ на г. Корабъ-Кухарскомъ:

— Тяпъ, ляпъ... И вышель... аранъ. Александръ Черниговскій.

* См. „Эмигрантъ“ № 1.

свои услуги по отысканію квартиры. Квартира найдена. Третьимъ между поселившимися въ ней обвиняемымъ Салисте и артистой Р. оказался крылатый божокъ любви, и романъ начался.

Часть вещей Р. осталась въ Петроградѣ. И вотъ Салисте всячески содѣйствуетъ ея отъѣзду. Онъ помогаетъ ей выхлопотать разрѣшеніе, пишетъ ей страстные любовныя письма. А самъ, оставшись въ Ревелѣ, владѣльцемъ ея имущества, находившагося въ ихъ общей квартирѣ, немедленно же закладываетъ за 80.000 брилліанты Р.

Узнавъ, что Р. 15 марта выѣзжаетъ изъ Петрограда обратно въ Эстонию, нѣжный спутникъ ея жизни подаетъ секретный доносъ въ соотвѣтствующее учрежденіе, указывая, что въ Эстонию по его свѣдѣніямъ ѣдетъ коммунистка Р., женщина, состоящая въ связяхъ съ гла-

варями большевиковъ, и поэтому онъ, Салисте, проситъ помѣщать ея въѣзду въ Эстонию.

Доносъ едва не возымѣлъ своего дѣйствія. Но дѣло оказалось въ рукахъ извѣстнаго многимъ г. Лензина, занимавшаго въ то время официальный постъ. Этотъ глубоко гуманнй и порядочный челоуѣкъ сразу же заподозрилъ недоброе и назначилъ разслѣдованіе. Картина, истинная картина дѣла тогда раскрылась.

По апелляціоннымъ отзывамъ сторонъ дѣло слушалось на дняхъ въ Ревельско-Гапсальскомъ Съѣздѣ.

Выяснилось, что Салисте хвасталъ своими связями среди сильныхъ міра сего, которые освободятъ его отъ всякой отвѣтственности. Судъ приговорилъ Ю. Салисте къ тремъ мѣсяцамъ тюрьмы. Юрисъ Прудентовъ.